
Юрий
Окунев
2
ПЕРВЫЙ
АРТЕФАКТОР
СЕМЬИ ШТОРМ

Юрий Окунев
Первый Артефактор семьи Шторм #2

https://litres.ru/74806339
SelfPub; 2026

Аннотация

Я хотел переродиться и усилиться, но вместо этого оказался в другом мире в пыточной камере. Моя семья уничтожена, а я должен найти легендарный Инъектор: артефакт, хранящий силу мёртвых богов.

И хоть я специалист по артефактам, но сложно искать, когда каждый шаг контролируют могущественные враги, доверять нельзя даже домочадцам, а в доме поселился болтливый магический лис, требующий расплаты по старым долгам.

Единственные надёжные друзья — артефакты, которые я создам своими руками и верну себе силу, которая принадлежит богам!

Содержание

Глава 1. Конец света 4
Глава 2. Важное дело 17
Глава 3. Исторические встречи 30
Глава 4. О ценности здоровья 45
Глава 5. В рот мне перья 59
Глава 6. Это твой выбор 76
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Юрий Окунев
Первый Артефактор семьи Шторм #2

Глава 1. Конец света

Пятно крови растеклось по каменному алтарю и тут же впиталось в него вместе с потоком ветра, который я направил на него тугой струёй. Несколько мгновений и вдруг в лицо ударила холодная темнота.

— Не успел?! — крикнул я сам себе, но не услышал собственный голос. Даже мысль, которая билась подобно птице в клетке, не доходила до моего сознания.

Темнота длилась и длилась, облизывая меня холодными, распугивающими мысли языками. После чего вдруг всё кончилось, и я прозрел.

Я оказался в небольшом помещении, похожем на церковный подвал: низкие потолки, белые стены с редкими украшениями в виде фонарей и фресок. Плиточный пол казался серой кладбищенской землёй.

За моей спиной оказался ещё один каменный алтарь, который сейчас медленно оттаивал, переставая быть ледяным, примерзающим к моей одежде и голым рукам.

Я медленно отлип от него, стараясь не содрать кожу. Осколок обсидиана продолжал колоть пальцы своими острыми гранями.

Однако всё моё внимание теперь было приковано к тому, что находилось передо мной. Как я и предполагал, Инъектор оказался шаром. Чёрная сфера, внутри которой медленно вращались потоки туч и облаков.

Размером шар был примерно с полтора баскетбольных мяча и покоился на серебряных, изящно изогнутых ножках. Серо-белая энергия внутри него пульсировала, создавая то задумчивый дымок, то контрастные пугающие образы.

Например, сейчас что-то похожее на череп пыталось пробить поверхность чёрного шара изнутри, но после третьей попытки развеялось и исчезло, дав место двум вращающимся смерчам.

К сожалению, наслаждаться этими видами времени у меня не было: даже без *Взгляда артефактора* было понятно, что дело дрянь. А уж когда я провёл рукой по глазам и активировал навык, то вообще захотел вернуться обратно домой, к чаю и упоротому Кефиру.

Поддавшись слабости на мгновение, я нахмурился, сосредоточился и подошёл ближе, изучая обстановку.

Проблема была в следующем: энергетическая оболочка Инъектора треснула, и из открывшейся дыры изливался поток энергии. И даже это была лишь одна загвоздка: щель, как и поток, была неоднородной и за счёт пульсации артефакта

края щели постепенно отламывались.

Как я видел, край несколько раз чинили, неумело залепляли, пытаясь остановить поток энергии. Правда использовали для этого практически чистую силу. Что было достаточно глупо, примерно, как пытаться приделать человеку, который потерял руку, руку другого человека.

Чаще всего такая операция не проходит ровно, ткани не приживаются, особенно если тип крови и нервной системы не тот.

Теперь же, за счёт того, что прошлые поколения Штормов пытались решить проблемы артефакта не разбираясь в артефактах, ситуация только ухудшилась.

Зато теперь стало ясно, почему все считали, что они использовали его не по назначению, и к чему готовились родственники в тот день.

На меня выплеснулась ещё одна порция силы и ветра, чуть не сдув обратно к алтарю, что перенёс меня сюда.

— Неприлично прогонять гостя, который только пришёл, — сказал я Инъектору, продолжая двигаться к нему против ветра. — К тому же мне не хочется потерять жизнь из-за дурацких правил этого мира.

Инъектор будто услышал меня и стал выплёскивать силу медленнее. Радоваться я не стал: *Взгляд* показывал, что артефакт нестабилен и действительно может рвануть в любую минуту.

По-хорошему нужно вернуться в поместье, взять инстру-

менты, с помощью Координатора понять основные потоки, и нарисовать и выстроить систему отвода откатов. Но времени, драгоценного времени, уже не оставалось.

— Придётся работать с тем, что есть, — проворчал я, доставая из карманов всё, что брал с собой всегда, одновременно напрягая глаза и направляя в них всю имеющуюся у меня силу Дара. Я не имею права пропустить опасные колебания и выбросы.

В руке привычно лежал гравёр, а парочка серебряных слитков вращались между пальцами, как палочки у опытного барабанщика. Обсидиан я убрал пока в карман к остальным кусочкам.

Со стеклянным треском из артефакта вырвался ещё один сгусток ветра, ударяя холодом в лицо. Помещение затряслось, принимая поток, но уже с трудом удерживая накопившийся объём Дара.

— Будем штопать, — решил я, начиная нарезать серебряные пластины на не очень тонкие отрезки, не отводя взгляда от Инъектора.

Бледно-серые потоки энергии атрибута ветра мощными струями били в стороны, а особенно вверх и вправо. Трещина на поверхности шара походила формой на очень длинный, как кусок пиццы, треугольник: внизу тонкая, а наверху широкая.

Значит начнём снизу, с узкого места. Приложил к шару первую пластинку серебра с небольшим контуром, который

я быстро вырезал на поверхности металла, направил свой Дар в руку, будто вплавляя металл в «стекло» Инъектора. Как только они соединились между собой, мысленно «остудил» серебро, давая ему сжаться и затянуть трещину.

Получилось. Благодаря этому щель выше тоже сузилась.

Никто не подумал о том, что энергетическое поле и физическое — всегда связаны. Да, можно «штопать» хранилище с помощью чистой энергии, если у тебя её завались и нет планов на вечер и всю оставшуюся жизнь.

У меня же такого запаса не было даже в прошлой жизни, а значит нужно работать не двадцать четыре часа в сутки, а головой. А голова напоминает: серебро имеет мощную магическую структуру, особенно как проводник.

Можно проводить саму энергию, как в батарейке Сухова, а можно проводить энергию защиты, которая экранирует божественный артефакт. А когда энергия будет замкнута вокруг шара, начнётся индукция и... в общем, у нас будет дополнительный слой защиты.

На «стекло» шара лёг следующий серебряный стежок, сужая разрыв, одновременно усиливая исходящий поток. Комната затряслась, не способная впитывать извергаемую энергию.

Мои руки закололо, словно в них воткнулось множество мелких холодных иголок. Или они затекли и теперь приходят в себя. Движения стали скованными, пальцы перестали гнуться. Один слиток серебра выпал на пол с мелодичным

звоном.

Несмотря на это, я продолжал нарезать металл, обрабатывать его, однако пришлось переключиться с выверенных контуров на более простые в нанесении руны.

— Придётся переделывать. Возможно, — сказал я сам себе, сдувая с носа каплю ледяного пота. Всё лицо уже покрылось влагой от напряжения.

Внутри Инъектора вспух образ облака, похожего на гриб, поверхность затряслась, будто внутри произошёл взрыв. Раздался треск стекла, часть «швов», что наносили Штормы раньше, отвалились и мелкими искрами врезались в меня. По лицу и рукам потекли тонкие струйки крови.

Поток из шара снова усилился, стараясь отодвинуть меня подальше. Я задрожал от холода, но руки и взгляд не отвёл, накладывая ещё один стежок. Поток ветра становился всё более резким, и тут я вспомнил про мысль Кефариана: он как раз и думал взять на себя часть этой энергии, чтобы вернуть долг и заодно стабилизировать артефакт.

— Кефир! — заорал я в пространство. — Кефариан! Сюда! Быстро!

Я услышал какой-то новый звук, похожий на свист стрелы. Уже приготовился объяснять Кефиру, что ему нужно делать, как в последний момент дёрнулся в сторону. Из Инъектора вылетело воздушное копьё — полноценно сформированное и заточенное, как настоящее оружие.

Лишь *Взгляд артефактора* позволил мне в последний

момент заметить странное колебание силы в исходящих потоках вокруг артефакта и уклониться. Неужели, он начал защищать сам себя? Или это просто совпадение?

Но главное, что Кефир так и не появился. Одно из двух: либо не слышит, либо... всё ещё витает в неизведанных чайных мирах.

Следующие два стежка на «стекле» дались с большим трудом. Ветер был такой силы, что руки, казалось, превратились в сухофрукты, да ещё и приморожённые. Однако оставался последний рывок, самый сложный: нужно было закрыть широкую часть разрыва одновременно двумя пластинами, да ещё и крест-накрест.

До этого момента я старательно не впитывал исходящую силу. Если бы я начал сразу, то наполнился как воздушный шарик и лопнул, расплескав всё вокруг. Я, конечно, предполагал, что в Инъекторе будет много силы, но не рассчитывал, что настолько.

Моё нынешнее тело не способно вынести так много, к тому же на последнем шаге обязательно будет выброс, просто за счёт резко сузившегося отверстия в защите. Учитывая, что мои артефакторные инструменты сейчас ограничены, компенсировать этот последний откат я смогу только собственным телом и духом.

Главное, не дать себе лопнуть, взяв слишком много. Лишь бы хватило на восстановление цикла перерождения, а там будет попроще.

Как только я собрался с духом и сосредоточился на последнем отрезке, поток ветра снова усилился, готовый дорого продать свою свободу и уничтожить меня по ходу дела. Я уже почти не сомневался, что эта сила имеет некое подобие сознания или инстинктов и активно себя защищает.

А как иначе объяснить, что чем ближе завершение ремонта, тем конкретнее удары Даром? Не просто сырая сила, не линии и всполохи, а заклинания?

«Раз, два», — медленно отсчитал я про себя, после чего случилось одновременно несколько вещей.

Во-первых, я рванул вперёд, стремясь наложить «швы» на последний разрыв в защитной оболочке Инъектора.

Во-вторых, я приоткрыл свои энергетические каналы, стараясь впитать как можно меньше Дара. Лишь самую малую необходимость, чтобы получить своё и не дать этой хреновине взорваться. В момент, когда мой внутренний шарик почти лопнул, я снова закрылся.

В-третьих, из шара раздался вой северного ветра во время шторма, и вместе с ним вылетело несколько воздушных лезвий, лишь по случайности не отрезавших мне руки. Они вонзились в потолок, заставив мелкое крошево сыпаться мне на голову.

Ну и в четвёртых, стоило серебру соединить защитный контур в месте разрыва, как защитная оболочка замерцала, загудела и покрыла Инъектор по всему объёму. В месте серебряных швов слой защиты был даже толще за счёт маги-

ческой индукции.

Я замер статуей на несколько секунд, не веря в то, что у меня всё-таки получилось, после чего я медленно опустился на землю и, опираясь ладонями в пол и мелкое крошево, что насыпалось с потолка, тяжело выдохнул.

Моя грудная клетка превратилась в металлический жёсткий каркас и ни в какую не хотела расслабляться. Руки замёрзли в конец, а пальцы словно превратились в замороженные сосиски, и теперь сопротивлялись любому движению.

Но это всё было не важно. Я направил своё внимание внутрь себя, внимательно осматривая дух и магическую основу своей личности. Получилось ли?

Сначала я видел лишь самую основу, трепещущую на ветру жизни сущность. Душа или нити жизни, как говорил Максим. То, что соединяет нас с телом.

Затем, присмотревшись, я обнаружил кое-что новое. Мой Дар, который достался мне вместе с телом, Дар ветра и воздуха, стал чуть больше. Если раньше он был скорее расфасован по кровеносным сосудам тела, рассредоточен, то теперь у него появился резервуар. Небольшое озеро чистой энергии, откуда я могу черпать силу.

Оно было крошечным, откровенно мелким, как лужа на берегу, после отлива. На копьё воздуха или лезвия, которые атаковали меня во время ремонта Инъектора, этого не хватит, но уже может хватить на более или менее стабильную работу над артефактами. Как минимум, я смогу удерживать

концентрацию подольше.

Однако самое важное, ради чего я искал эту штуковину, пока не находил. Цикл перерождения, Нить, то, что делает богов — богами.

В нормальной обстановке я бы провёл неспешный ритуал, подготовился к нему. Медленно напитывался энергией, постепенно открывая потерянные возможности. Сейчас же мне пришлось решать проблему на бегу, штопать линию собственной судьбы, не давая ей оборваться на полуслове. Последнее мне удалось, но какой ценой?

— Я всё ещё смертен, — с кривой ухмылкой сказал я вслух. — Но хотя бы какое-то время продержимся.

В последний раз я оглядел свои «внутренности», оценивая масштаб изменений, как вдруг обратил внимание на одно несоответствие. Нити жизни, что соединяли меня с телом медленно колебались зелёной волной, как водоросли в течении реки. Однако среди них пряталась одна тоненькая белесая линия, маскируясь под водоросль-альбиноса.

Но это была не она. Это был он — цикл перерождения. Очень и очень тонкий, едва заметный, еле держащийся за мою суть, но всё же появившийся.

— Я — бог? — спросил я вслух.

Тут же пришёл ответ:

— Бог последнего мгновения. Или киношного адреналина. А может даже чрезмерного пафоса. Но главное, что тебе удалось!

Я резко обернулся: передо мной сидел, слегка кося глазами, Кефир. Его сине-рыжая шёрстка искрилась серебристыми звёздочками, а морда выражала удовольствие.

— Ты успел, Серёга! Не дал этой штуке рвануть в полной мере. Энергии вокруг, конечно, много, за что вкусное тебе спасибо, но главное, что не произошло масштабного выброса. Как тебе это удалось?

Я сделал вид, что не до конца понял его вопрос, поэтому указал на шар:

— Видишь, залатал разрыв серебряными швами, соединив разрыв в энергетическом кожухе. Если его не закрыть, то рванула уже бы и физическая оболочка, что привело бы к тому самому выбросу.

Кефариан хитро прищурился.

— Интересно, где мы? — Он огляделся, изучая зал.

Он задержал взгляд на потёртом барельефе, на котором люди плыли на древней лодке, потом осмотрел серую плитку пола, усыпанную каменным крошевом, принюхался к воздуху, в котором пахло влагой и свежестью.

Я тоже постарался отвлечься от своих мыслей и понять, где мы. Судя по моим ощущениями и потокам в материалах вокруг, которые показывал *Взгляд артефактора*, мы находились под землёй.

— Мы в подземелье, больше сказать не могу, — ответил я, снова переводя внимание на Инъектор.

Нужно ещё немного наполниться его силой, чтобы закре-

пить цикл перерождения. Нельзя оставлять его в таком виде, иначе любой сильный всплеск Дара или, чего не хотелось бы, смертельный удар, вырвет его к демонам, и я уйду в бесконечность, навсегда. Нужно ещё раз коснуться Инъектора и укрепить себя.

— Кефариан, пошли, осмотрим артефакт, — предложил я лису. — Заодно попробуешь вернуть себе долг. Кстати, за что и для чего тебе энергия?

Лис заворчал, но встал на все четыре лапы и подошёл ближе. Все четыре уха настороженно топорщились.

— За всё в этом мире платится энергией, — наконец сказал он, останавливаясь в паре шагов от Инъектора.

Внутри артефакта медленно перетекали облака, завораживая своим танцем.

— Когда-то твой прадед помог мне, я ему. За одну услугу он не успел расплатиться, пообещав мне это сделать позже, взамен за помощь в последний раз. Он умел красочно описывать перспективы, — хмыкнул лис. — Только вот вместо красочных перспектив достался мне ты, прозрачный. Но сейчас мы это поправим! — довольно закончил он и запрыгнул на постамент с артефактом.

Положив передние лапы на Инъектор, он закрыл глаза. По шерсти побежали искры, в помещении стало теплее. Энергия, которая была вокруг, стала быстро вливаться в лиса, заставляя шерсть встать дыбом.

Затрещали камни, отдавая накопленный потенциал, по-

сыпалась пыль из тех мест, где выбросы и удары Даром оставили трещины. На мгновение показалось, что потолок сейчас рухнет, раздавив нас вместе с артефактом.

А затем всё резко кончилось. Я посмотрел на Кефира и замер от удивления: он сейчас выглядел почти так же, как после чашки чая, то есть, максимально упоротым, с вытаращенными глазами и вывалившимся на бок языком.

— Что с тобой? Чай в голову дал? Повторно, — не удержался я.

Кефариан медленно перевёл взгляд на меня, изучил мои руки, с неприятным звуком втянул воздух и язык. Убрал лапы с Инъектора и сложил их на груди, встав во весь свой лисий рост.

— А теперь рассказывай, — сурово сказал он. Золото его глаз стало по-настоящему обжигающим.

— Что именно? — Нахмурился я.

— Как ты умудрился сделать то, что даже лучшие одарённые и артефакторы не могли сделать ни после Штурма, ни спустя пятьдесят лет? Теперь я не смогу получить свой долг обратно и восстановиться, прозрачный! — рыкнул он на меня, скорее как тигр, а не лис.

— Да что ты от меня хочешь? Я просто зашил разрыв!

Лис помолчал и со вздохом произнёс:

— Ты сделал невозможное: смог полностью запечатать силу бога внутри артефакта.

Глава 2. Важное дело

Я запечатал силу бога внутри артефакта. Звучало как хорошо выполненная работа, честно говоря.

— И что? — улыбнувшись, спросил я. — Проблема же была как раз в этом: вечно подтекало, нужно было ремонтировать, возникали опасные ситуации. А я поменял прокладку в кране и теперь всё хорошо.

Кефариан оскалил зубы и рявкнул:

— Умник! Тогда покрути свой «кран» и дай мне энергии. И ты там вроде обещал своего лекаря подлечить.

Верно. Мне самому нужно укрепить силы, плюс вернуть долг лису и вылечить от проклятья Максима.

— Подвинься, Кефир, — величественно заявил я, отодвигая зверя в сторону. Кефариан проворчал, но ничего не сказал.

Ещё раз оглядев швы на «стекле» чёрного шара и клубящиеся внутри облака, я коснулся рукой поверхности Инъектора, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Давай подзарядимся.

Я сосредоточил свой Дар в руке, направляя мягкий поток ветра в сторону артефакта, одновременно приоткрывая свои сосуды для входящей силы. Атрибут ветра стал подчиняться мне с чуть большей лёгкостью, пусть та мощь, что была во мне в первые мгновения перерождения, не вернулась.

Почувствовал вибрацию, услышал лёгкий звон серебра, а

затем ничего не произошло. От удивления я открыл глаза, сбивая концентрацию. Тишина в ответ, лишь слегка остыла поверхность шара — вот и весь отклик на моё воздействие.

— Не понял, — пробормотал я, начиная ощупывать артефакт со всех сторон, примерно так же, как Светлана Яровая ощупывала мою голову, когда я очнулся в этом мире.

Однако всё было в порядке. Идеальном. Защита, выстроенная вокруг артефакта, оказалась чудесной настолько, что я сам не мог достучаться до силы внутри. Я не просто остановил разрушение, а создал непреодолимый барьер. По крайней мере на данный момент.

— Доигрался, умник, — возмутился лис. — Как ты это сделал? И, главное, зачем?

— Кефир, успокойся. Я закрыл огромную трещину в защите Инъектора. И сделал это хорошо.

— Прям идеально, — не сдержался Кефариан. Его голос сочился сарказмом.

— Да. Я хороший артефактор, — пожав плечами ответил на это я.

— Но плохой стратег. Теперь мы ничего не можем от него добиться. — Он покачал головой. — Что дальше будем делать?

Я задумался. Передо мной действительно стояло несколько задач, старых и новых: закрепить свой цикл перерождения; помочь Подорожникову; найти другие способы напитать энергией Кефира. А значит мне нужно продолжить жить

в этом мире, стать его частью, обеспечить безопасность и комфорт.

Я всё ещё слабенький одарённый воздуха, но моей опорой всегда были не пасы руками и мордобой ногами, а знания и артефакты. Теперь, когда угроза миру устранена, можно заняться более бытовыми вопросами и благоустройством.

Потянувшись и щёлкнув шеей, я повернулся к Кефиру.

— План такой: забираем Инъектор и отдаём его надлежащим службам, после чего идём пить чай и заниматься своими делами, — я хитро улыбнулся.

— Чай — это конечно хорошо, — медленно ответил лис, — но с какого перепугу ты решил отдать семейную реликвию? Это нелогично.

Он поднял лапу и покрутил ею у виска. Я проигнорировал его движение.

— Очень даже логично. Смотри: все его ищут и хотят воспользоваться его силой. Из-за него убили семью, перевернули весь город и даже могилу предка. Если я его не отдам, меня продолжат подозревать, особенно, когда поймут, что я стал немного сильнее.

— Стал? — Кефир прищурился.

— Чуток, — кивнул я. — Не перебивай. Если же отдам артефакт, то все вопросы к моей лояльности, к моим силам и прочему отпадут сами собой. Но самое главное не это, — мрачно прищурился я. — Ты сам понял, что Инъектор запечатан. Его не можешь открыть ты, его не могу открыть я.

Возможно, кто-то из высших князей и способен на это, но что-то мне подсказывает, что никто не сможет этого сделать.

«Что-то» подсказывающее — мои опыт и интуиция. Если я правильно оценил ситуацию, то никто в мире сейчас не способен воссоздать артефакты подобного божественного уровня. Ими можно пользоваться, но если они запечатаны, и даже бог не знает, как их открыть, то что говорить про людишек?

Лис же сидел и покачивал головой в такт своим мыслям. Взгляд золотистых глаз был направлен куда-то вне пространства. По шерсти пробегали немногочисленные искры, добавляя волшебства этому необычному зверьку. Наконец он кивнул:

— Решать, конечно, тебе, но мне эта идея не нравится. Несмотря на всю её логичность.

Тогда я решил его добить последним доводом:

— Что касается твоего долга, то я знаю, как его вернуть. — Лис заинтересовано шевельнул хвостом. — Это потребует чуть больше времени, чем напитаться из дырявого Инъектора, но способ гарантированный.

— И какой же?

— Я создам для тебя подходящий накопительный артефакт. Такой, который позволит твоей шерсти засиять ярче, чем фонари на военном полигоне.

— Не врёшь? Справишься? — совсем по-детски уточнил Кефир, глядя на меня из-под бровей. Его выдавал торчащий

трубой хвост.

— Справлюсь. Особенно, когда расскажешь для чего тебе эта энергия.

Кефариан замолк, поелозил лапами по полу, не находя себе места, а потом гордо развернулся в сторону алтаря, через который я попал сюда.

— Я подумаю. — Он махнул хвостом и запрыгнул на идеально чистый камень, на который не попало ни пылинки. — За это я подберу тебе не просто самку для спасения рода, но и красавицу.

После чего без лишних слов исчез.

— А помочь с артефактом? — Риторический вопрос повис в воздухе.

Наглая сине-рыжая морда услышала, что хотела, и растворилась в пространстве. Скорее всего пошёл допивать чай и исследовать неизвестные миры для упоротых лис. Оставалось только ухмыльнуться.

— Видимо придётся сделать тебе артефакт с головоломкой. Или электрической искрой, что бьёт по языку. Чтобы знал, как бросать меня одного, — пообещал я лису, после чего взялся за Инъектор.

Артефакт оказался тяжёлым, что и логично: основательная серебряная подставка, шар чуть менее полуметра в диаметре из магического стекла, а точнее из цельного кристалла, похожего на горный хрусталь с покрытием из чёрного оникса. Мои серебряные «швы» в этом весе вообще не чув-

ствовались.

Пока я переносил Инъектор с места на место, успел знатно вспотеть, но запертая внутри артефакта сила даже не подумала вырываться наружу.

«Интересно, а если уроню на землю, что-то случится?» — с научным любопытством подумал я, а потом сам себе ответил: «Если да, то мне хана. Если нет — то хорошо. Но проверять я не буду».

С усилием подняв артефакт на алтарь, я выдохнул и вытер пот со лба. Теперь нужно вернуться домой. Думаю, что процедура будет такой же: кровь, поток Дара ветра и главное вовремя сжать в руках артефакт.

Холодная тьма ударила в лицо и через несколько мгновения я оказался в подвале своего дома.

Здесь всё было как обычно: тихо, ни пылинки, закрытые двери камер и фонари над лестницей, стоптанной множеством ног. Никто и не заметил, как я спас мир.

— Настоящие герои не носят плащей, — сказал я сам себе, после чего заорал во всю глотку: — Андрей! Антон! В подвал!

А вы что думали, я потащу эту махину сам по лестнице? Размечтались. Я свою задачу, насколько мог, выполнил. Теперь пусть работают другие.

Я почувствовал их приближение за несколько секунд, но не благодаря расширению сил, а из-за давления магии Черкасова: буря в пустыне пугала, заставляя сердце биться ча-

ще, а волоски на коже топорщиться, как усы у злого кота.

— Вы вовремя, — сказал я, как ни в чём ни бывало, когда они сбежали по лестнице, готовые атаковать. — Прошу, оттащите наверх.

— Что это? — спросил Сухов, с неприязнью оглядывая массивный артефакт.

— То, что искал весь город, как я понимаю. Пропавший Инъектор семьи Шторм. — Я похлопал ладонью по поверхности шара, словно это был хороший пёс, заслуживший косточку.

Лица моих охранников потемнели, Сухов тихо выругался.

— Вы не рады? — хмыкнул я. — А мне казалось, Андрей, ты мечтаешь от меня избавиться и заняться чем-то более интересным.

Он проигнорировал мою шпильку и спустился по лестнице до конца. Антон спустился за ним следом.

— Откуда ты его вытащил? Он был в доме? Почему же тогда никто его не нашёл? — засыпал меня вопросами Сухов.

— Он вообще настоящий? — прагматично спросил Черкасов.

— Он настоящий. И чуть не рванул, потому что был повреждён, пришлось чинить быстро, — сухо ответил я, наблюдая, как дёрнулось лицо Сухова. Видимо понял, что может случиться, если такая «батарейка» взорвётся. — А не нашли его потому, что убили всю семью. Всем повезло, что у меня оставили в живых, иначе...

Больше я ничего говорить не стал. У меня ещё были свои планы на этот алтарь и на ту комнату.

— Предлагаю нам всем немного успокоиться, выпить быстро кофе, а затем отправиться к Госпоже Вороновой. Думаю, она заждалась. По дороге заскочим проведать Максима, а затем как раз успеем к ужину. Надеюсь, нас покормят, как полагается у бабушки: пирожками и шарлоткой.

А ещё я хочу снять с себя божественный артефакт. Не по себе мне, когда что-то такое меня контролирует.

Первым ответил Антон:

— Пусть пока постоит здесь, подземелье хотя бы частично экранирует его энергию. — Однако в его голосе была неуверенность. Конечно, ведь артефакт не фонил от слова совсем. — Я поднимусь и позвоню начальству.

— Только Вороновой! — крикнул ему в спину Сухов. Правильно, не нужны посредники в таком деле.

Через три минуты Антон вернулся.

— Воронова не отвечает. Я ещё раз позвонил Суворову, тот сказал, что Госпожа решает одну проблему и не может оторваться. Говорит, забрала оставшихся оперативников, даже Константиныча сняла с дежурства.

— Оставшихся? — нахмурился Андрей. Я тоже обратил внимание на эту фразу.

— Полтора десятка человек, они... Пострадали.

***

Александра Валерьевна Воронова, княгиня ветра, гото-

ва была убивать направо и налево. Однако ей приходилось сдерживаться, поэтому только несколько сумрачных воронов кружили по залу. Учитывая её силу и статус, даже остальные присутствующие молчали и игнорировали магических птичек, глядя в кровавые глаза женщины, скрывающей свой истинный облик.

— Александра Валерьевна, поясните, пожалуйста, почему вы собрали весь свой отдел, всех боевых одарённых и обычных солдат, и направились к дому князя Чумова? Население города с опасением восприняло подобное количество вооружённых людей под своими окнами.

Воронова посмотрела в сторону говорившего и не стал комментировать, что люди вообще не заметили очередную группу вооружённых людей из-за повсеместной подготовки к Параду Победы.

Сидевший на мощном кресле мужчина был достаточно молод, чуть за сорок, но его лицо уже казалось высеченным в камне, массивным и непробиваемым. Великий князь Владимир Юрьевич Долгорукий, одарённый атрибутом земли, унаследованный в чистейшем виде от отца, казался самим олицетворением природной мощи. Даже скалы на его фоне смотрелись эфемерно.

В этом году именно он был председателем Совета князей и ему приходилось разбираться с многими вопросами. В том числе такими.

Воронова, несмотря на юный вид, была почти в два раза

старше Долгорукого и помнила его отца, седовласого командира зенитного полка. В той войне он быстро вырос в званиях и теперь его наследник судит её саму.

«Мирное время и военное время — два разных мира. И для них нужны разные люди». Мысленно она усмехнулась, но на её лице не дрогнуло ни единого мускула. Лишь глаза продолжали прожигать председателя насквозь.

— Позвольте уточнить, почему Совет не рассматривает другую проблему, а именно сбитый вертолет с десятком одарённых высокого уровня?

— Какое это отношение имеет к вашей ситуации? — спросил другой голос слева. Он принадлежал Князю огня, Юрию Николаевичу Привалову. — Тем более, нам сообщили, что причина падения вертолёта — технические неполадки.

— Если считать техническими неполадками использование ПЗРК «Букинист» новой модели, то да — неполадки, — не меняя тональности ответила Александра Валерьевна. — К тому же, отношение имеет самое прямое, огненный князь. Среди пострадавших мои люди, как солдаты, так и одарённые. В том числе моя помощница.

Воронова сделала акцент на последнем слове, а затем затихла, давая Высоким князьям осознать сказанное. Первым, разумеется, дошло до Привалова:

— Вы хотите сказать, что моя дочь…?

— Роксана Юрьевна была в том вертолёте. Как и Пётр Романович Меньшиков.

— А что мой внук забыл у вас? — возмущённо подпрыгнул на своём месте Алексей Фёдорович Меньшиков, князь тьмы. Несмотря на солидный возраст, его борода оставалась чёрной, как ночь.

— Он не только сильный одарённый, но и хорош в технике. Он вызвался помочь, — спокойно пояснила Воронова.

— И вы говорите, что вертолёт с нашими наследниками кто-то сбил только сейчас? — рокот пламени в голосе Юрия Николаевича Привалова обдал жаром всё помещение. — Вы не доложили? Вы подозреваете Чумова, раз сразу двинулись на него? Почему не сообщили? — последнюю фразу он уже рычал, как мифический огненный дракон.

— Они живы? Или... — не смог закончить Меньшиков. Несмотря на то, что он был воспитан в семье Князей и Хранителей и готов был отдать свою жизнь за других, но слушать новость о том, что его дети и внуки страдают... он не мог.

Воронова чуть склонила голову, скрывая выражение лица. Вороны, летавшие по залу, наконец уселись на её плечи, а затем медленно рассыпались каскадом перьев, который так и не коснулся земли.

На белоснежных плечах пиджака ни осталась ни пятнышка, но Александра Валерьевна смахнула невидимую пылинку с лацкана, поправила чёрную брошь в виде черепа ворона.

— Мои люди проверили, где производится подобное оружие. Кто основной клиент. Как мы и предполагали — это армия. Но есть, разумеется, и сторонние небольшие заказы для

наших иностранных коллег. Удивительно, что все эти заказы проходят через торговый дом, принадлежащий одной семье.

Она повернулась в сторону, где обычно сидел сам Чумов, но которого сегодня не было.

— Забавно, что когда обсуждается его судьба, князя смерти нет рядом с нами. Он бы смог ответить на все наши вопросы. Кстати, где он? — как бы невзначай спросила она.

— Он по делам государственной важности отправился на Ближний Восток, — сказал Долгорукий и нахмурился.

— Хорошее алиби. Но, думаю, люди нашего уровня, — Воронова кратко улыбнулась, — вряд ли будут совершать подобные дела своими руками без прямого указания.

— У вас есть доказательства?

— Пока нет.

— То есть, вы взяли вооружённый отряд, прошлись с ним по улицам столицы, не имея никаких веских доказательств вины человека? — начал злиться Владимир Юрьевич Долгорукий. — Это превышение полномочий. Хотите отстранения?

— Предполагаю, что причина нападения на вертолёт, — продолжила княгиня ветра, проигнорировав эмоциональный выпад председателя, — в том, что кто-то решил, что моя команда смогла добыть то, что спрятали Штормы.

— А они нашли? — раздалось с нескольких сторон заинтересованное.

Воронова торжествующе подняла голову.

— Нет. Однако это показало наглядно, что приказ уничтожить семью моей дочери был не совсем в интересах страны и мира. А скорее в чьих-то личных. Иначе как понять попытку убить тех, кто возвращался с миссии по поиску артефакта? Даже если бы мои люди нашли его, то привезли бы его на хранение доверенным лицам, и все смогли его изучить, как было оговорено изначально. Теперь же это делать опасно: официального Хранителя нет, а есть те, кто хочет воспользоваться, так скажем, оказией.

Она развела руками.

— Что с моей дочерью? — снова рыкнул Привалов, поднимаясь с кресла. На его руках задрожали языки пламени, готовые змеями выплеснуться на Воронову и других Князей.

Александра Валерьевна склонила голову и над ней в воздух снова медленно всплыли три чёрных ворона:

— Как бы это печально ни прозвучало, уважаемые князья...

Глава 3. Исторические встречи

Над головой Александры Валерьевны Вороновой кружило три чёрных ворона, готовые отразить любую атаку со стороны сильнейших одарённых страны, а может быть и планеты.

— Как бы это печально ни прозвучало, уважаемые князья, — женщина сделала паузу. — Пока мы не знаем, кто стоит за всем. Но обещаю вам, как глава антитеррористического подразделения, я найду тех, кто посмел напасть на моих людей.

Она коротко поклонилась, показывая уважение к старшим по званию.

— Что же касается наших детей, то рада обрадовать: они у нас замечательные. Роксана Юрьевна и Пётр Романович быстро среагировали и защитили людей внутри падающей машины. Вертушка всмятку, но что команда, что отряд отделались лишь ушибами да переломами.

— Почему? Почему вы не доложили Совету? Вы ждали целых два дня, чтобы сделать это! — уже не скрывая ненависти рявкнул Юрий Николаевич Привалов. — «Она на задании», говорили вы!

— Она действительно на задании, князь. — Воронова не отвела взгляда. — И выполняет его с гордо поднятой головой, как настоящий воин и защитник. Именно она быстрее всех сориентировалась, организовала одарённых, защитила

обычных солдат и пилотов. Только благодаря ей пилоты выжили, поскольку им больше всего досталось от взрыва.

Она яростно осмотрела Зал Князей.

— Что же касается моего решения не сообщать, то это стандартная практика: сокрытие информации в интересах следствия. А учитывая уровень пострадавших и потенциальных подозреваемых — иначе и быть не могло.

По Залу прошёл возмущённый гомон, но председатель Совета Князей Владимир Юрьевич Долгорукий поднял руку, призывая к порядку.

— Результаты расследования есть?

— Будут, — позволила себе улыбку Воронова. — Количество подозреваемых удалось сократить, так что я пойду работать дальше.

Она снова коротко поклонилась и развернулась на каблуках в сторону выходу.

— Александра Валерьевна, не спешите, — остановил её Долгорукий уже более спокойным голосом. — Вы действительно подозреваете Чумова?

— Конечно нет, Великий князь. Он единственный, кто отсутствует в городе и поэтому не сможет быстро ответить на провокацию. Но опросить его по поводу «Букиниста» всё равно придётся. Надеюсь, он согласится на встречу добровольно.

— Я передам ему ваше пожелание, — сказал председатель. — Что же касается вас: найдите уже чёртов Инъектор.

Он создаёт слишком много нестабильности уже самим своим фактом отсутствия.

Воронова лишь повернула голову через плечо и молча кивнула.

Лишь покинув Зал Князей и отойдя от него на почтительное расстояние, она позволила себе пробормотать под нос:

— Даже сдохнув, Шторм умудрился доставить мне неприятности. Что ты в нём нашла, Лида?

Марк Константинович ждал её у машины и сразу же открыл дверь. Затем сел рядом, поднял стекло между ними и водителем, достал телефон и протянул Госпоже.

— Ваш внук, Сергей. Судя по тому, что он перезванивает каждые полчаса поочерёдно с Черкасовым, что-то случилось.

Воронова несколько секунд изучала список пропущенных звонков и после этого позвонила в ответ на последний.

***

Машина мчала по кольцу, осторожно лавируя в потоке. Черкасов и Сухов сидели в тишине, даже не включая радио. В ногах между мной и Андреем на полу, завёрнутый в обои и пакеты, стоял Инъектор. Мы везли его к Вороновой.

Точнее, сначала я думал проверить свою идею на одном смертельно больном подопытном. Шансов было немного, от чего по рукам и ногам расползалась противная слабость, но попробовать я был обязан.

Всё-таки Макс, каким бы юным дураком он ни был, защи-

тил меня от проклятья. Конечно, я сказал ему, что моя схема отработала бы откат и выжгла проклятье. Однако её хватило как раз на то, что осталось. То, что я со своими ограниченным запасом сил тупо не заметил. Если же бы меня зацепило по полной, как его, то вряд ли бы я продержался так долго. Его спасал Дар жизни, а меня в лучшем случае обдувал бы ветерок, чтобы потеть было не так жарко.

Пусть Инъектор запечатан, но вдруг он сможет ему помочь хоть как-то?

Охранники остались в машине, сторожить нашу самую большую ценность. На нас играло то, что никто не знал о находке. Мы не дождались ответа от Вороновой, поэтому решили ехать сами, по пути заскочив к Подорожникову.

Меня встретила красивая высокая администратор с очень выбеленными волосами и с широкой лучезарной улыбкой, одетая в белый, практически сияющий магическим светом халат. Хотя, почему «практически»? Он действительно сиял! Правда видеть это мог только я своим *Взглядом артефактора*.

Костюм девушки был прошит металлическими нитями, напитанными Даром жизни и света. Глядя на девушку, у посетителей складывалось светлое и очень тёплое чувство, будто они попадали в объятия кого-то очень хорошо знакомого.

— Чем могу помочь? — бархатным голосом спросила администратор.

— Хочу спросить о состоянии пациента, Максима Подо-

рожникова. Его привезли несколько часов назад.

Девушка с лёгким укором посмотрела на меня:

— За такое короткое время вы вряд ли получите новую информацию.

— Мне важно знать, жив ли он ещё, — мой голос прозвучал холоднее, чем я планировал.

— Простите, — снова добавила бархата в голос девушка, глянув чуть за меня, — могу ли я узнать, кем вы приходитесь пациенту?

— Он мой...

Не успел я закончить, как меня перебил пожилой голос:

— Герда, где остальные документы? Я просил прислать их ещё час назад.

К стойке администратора притёрся лысый пожилой мужчина лет шестидесяти в очках и халате. Под халатом виднелся практичный свитер из дорогой шерсти. Ручка в кармане халата стоила явно столько же, сколько и свитер, если не больше.

Девушка-администратор несколько потускнела и молча принялась клацать по клавиатуре компьютера в поисках информации.

— Говорили компьютеры облегчат жизнь, ускорят документооборот, — проворчал старый врач. — А по итогу взять папку с бумажками и принести даже через всю больницу в разы быстрее.

— Это пока что, — сказал я. — Пройдёт немного времени

и забудут, как писать руками. Только клавиши и будут знать.

— Интересная мысль, молодой человек. — Недоверчиво сказал врач. — А вы к кому? Кто-то из родителей?

Я покачал головой:

— К сожалению, родителям помочь не успели. У вас лежит мой... помощник. Молодой парень, сегодня привезли.

Врач нахмурился, опустил очки, изучая меня вблизи своими бледно-зелёными глазами. На лбу сложилось порядка пяти глубоких морщин.

— Случаем не про юношу-лекаря говорите?

— Да, Максим Подорожников. Вы его лечащий врач?

— Да, Святослав Георгиевич. А вы?

— Я тот, кто его привёз сюда. Надеюсь, что смогу помочь ему.

Врач сделал полшага назад, глядел меня. Скривился.

— Молодой человек, я всё понимаю, но здесь есть врачи, которые позаботятся о вашем друге. У него тяжёлое состояние и нужно быть экспертом, чтобы решить его проблему.

— Насколько я знаю, современная медицина не научилась решать эту проблему. По крайней мере руками людей.

В глазах Святослава Георгиевича мелькнула какая-то странная тень, но он ухмыльнулся и покачал головой. Поманил рукой, и мы отошли к дивану в сторонке, рядом с фикусами и кулером с водой.

— Если вы говорите, что людские руки не способны помочь, то как собрались помогать вы? Хотите запрещённый

ритуал провести? — прошипел он очень тихо, чтобы никто не услышал. — За саму мысль об этом я вас сдам туда, куда следует.

— Заметьте, это сказали вы, а не я, — чуть наклонив голову набок ответил я.

Врач стушевался, чем я и воспользовался.

— Максим достаточно талантливый лекарь, много учился и читал. Вскоре собирался получать лицензию лекаря и поступать на врача. Даже будучи, хм, заболевшим, он продолжал лечить себя и предлагать решения. Когда я привёз его к вам, то просил не вылечить, а дать время. Теперь бы я хотел проверить его версию и по возможности отплатить добром: он принял то проклятье, которое должен был получить я.

Святослав Георгиевич поправил очки, словно желая изучить меня внимательнее, под микроскопом. Ему потребовалось всего три секунды, чтобы принять решение:

— Вы нашли то, что может потенциально вылечить его? — Я кивнул. — Тогда идём.

Он повёл меня через холл к лифтам, не забыв крикнуть:

— Герда! Документы!

Девушка закивала, срочно выстукивая «SOS» на клавиатуре.

— Молодёжь, — проворчал дед, когда двери лифта закрылись. — Говорят, что молодые люди быстро разбираются в современных технологиях. Да, что-то нарисовать или напечатать реферат из чужих дипломов они могут, а вот когда

дело доходят до реальной работы — сразу тушуются. А если уж думать надо — это вообще конец света.

Не дожидаясь моего ответа, он выскользнул из лифта на третьем этаже и со скоростью удивительной для пожилого человека, рванул по коридору. Справа и слева были широкие двери с окнами, через которые виднелись палаты. Половина стояла пустой, но вторая половина представляло достаточно пугающее зрелище: взрослые и дети, молодые и пожилые люди, истощённые, с тонкими руками, опутанные медицинскими проводами и трубками, в шапочках, из-под которых не выбивается ни один локон волос.

— Онкология, чтоб её. Даже Дар, доставшийся нам от богов, справляется далеко не всегда, — словно почувствовав, о чём я думаю, сказал врач. — Нам сюда.

Он открыл дверь в конце коридора с табличкой: «Интенсивная магическая терапия», впустил меня, закрыл за нами. Указал на халаты справа, а затем попросил снять обувь и надеть специальные тапочки. Сам тоже переоделся, надел шапочку для волос, выдал мне.

— Шевелюра у вас, конечно, молодая и густая, но всё равно сыпется постоянно. В этом поле это может сильно помешать.

Затем мы прошли по ещё одному более короткому коридору, отодвинули дверь слева и вошли в просторную палату. Вдоль стен стояли столы с аппаратурой, артефактами, лекарствами и зельями. Ближе стояли передвижные столики

с нераспакованным хирургическим инструментом, а также несколько крупных артефактов-накопителей.

Артефакты выглядели как кубы с длиной грани около полуметра. Вся их поверхность была испещрена рунами и вязью, один был покрыт иероглифами — явно привезли с дальнего Востока. Врачи, что кружили вокруг больничной койки в центре палаты, периодически садились на эти кубы, прикладывали пальцы к некоторым рунам и, закрыв глаза, восстанавливались.

— Хорошие штуки. Особенно вот тот, с иероглифами, — быстро оценил я входящие и исходящие потоки энергии вокруг кубов *Взглядом артефактора*. — Видно, что опытный человек поработал. Ещё бы добавить один контур рун и покрыть титановой эмалью — и вообще цены не будет.

Святослав Георгиевич хмуро посмотрел в мою сторону, потом на кубы, потом снова на меня:

— Это лучшее предложение, что доступно на рынке. А вы с одного взгляда решили, что его можно улучшить?

— Поговорим об этом позже, — ответил я, переводя внимание на Максима. А там было на что посмотреть.

Парень спал под наркозом, но даже в медикаментозном сне не мог расслабиться: брови сведены, складки на лбу, быстрый пульс. Воронки-свёрла проклятья расширились и достигли своими острыми краями плеч. До сердца осталось совсем немного.

Однако врачи не просто так ели свой хлеб. Вокруг Мак-

сима работало как минимум трое в зелёных халатах, а ещё двое были на замене, «подзаряжаясь» на кубах. Работающая троица защищала зелёным коконом сердце и голову парня, также замедляя распространение тёмного проклятья по телу.

За счёт этой работы чёрные полосы спускались ниже по торсу, но не проникали внутрь.

Врачам помогало две медсестры, одетые в синюю униформу. Они отвечали в основном за аппаратуру, инструменты и обычные лекарства. Зельями или магическими лекарствами занимались только врачи.

— Сколько у него времени?

— Вы говорите это так буднично, молодой человек, — отозвался Святослав Георгиевич. — Состояние тяжёлое, но ухудшается значительно медленнее, чем обычно. Думаю, у него есть как минимум сутки с нашей помощью. — Он наконец повернулся ко мне и серьёзно спросил: — Так в чём ваше предложение?

— Я привёз артефакт. Особый. Возможно, его сила, перенаправленная через вас или ваших коллег, сможет остановить болезнь.

И снова врач быстро обдумал и принял решение:

— Артефакт здесь?

— В машине. Мои люди поднимут.

— Я попрошу их пропустить.

Мы оба вышли из палаты и начали свои звонки. Черкасов просто сказал: «Да», а Святослав Георгиевич кивнул мне,

подтверждая, что дорога открыта. Через минут семь звякнул лифт в конце коридора и вышли мои охранники, неся запакованный Инъектор. Рядом с ними шла медсестра в синей униформе и с чемоданчиком в руках.

Остановившись рядом с нами в тамбуре на входе в Интенсивную терапию, троица отчиталась:

— Пришли. Куда ставить? — спросил Антон.

— Лекарства, что вы просили, Святослав Георгиевич. Распишитесь, пожалуйста.

Охранники оставили артефакт на ближайшем столе и подпёрли стены рядом с ним. Медсестра достала бумаги на подпись. Ей было лет двадцать, видимо практикантка, судя по неуверенным движениям: передавая чемодан чуть не уронила его, но врач успел ловко поддержать его снизу.

— Серафима, чуть внимательнее, — мягко сказал Святослав Георгиевич, отдавая подписанные бланки. — Иначе придётся писать очень длинную объяснительную по не целевому использованию сильнодействующих препаратов.

В глазах мужчины мелькнули хитрые искорки, а девушка покраснела и поправила русые волосы. На пальце блеснуло простое серебряное кольцо с синим камушком. Я склонил голову, активируя *Взгляд артефактора*.

— Ого! — вырвалось у меня, от чего девушка резко повернулась в мою сторону и покраснела полностью, быстро отведя взгляд.

Святослав Георгиевич принял моё восклицание за вос-

торг в сторону девушки и начал её нахваливать:

— Серафима у нас умница, талантливая девушка. Отличница, сильный одарённый света. Думаю, она даже попробует поработать с вашим подопечным.

Еле сдержался, чтобы не улыбнуться и серьёзно кивнул:

— Свет может успешно противостоять тьме, это разумно. Надеюсь, удастся улучшить состояние Максима.

— Спасибо, — тихо сказала Серафима и, коротко кивнув, ушла обратно к лифту.

— Её смена через два часа. Если хотите, можете задержаться и посмотреть, как она работает, — предложил врач.

Я покачал головой. Меня заинтересовала не девушка, а её кольцо. Давно я не видел подобных артефактов. Они требуют знатных усилий, дорогих материалов. То, что выглядело как серебро на самом деле являлось костью, отполированной серебряной пастой. А камень — что-то из водяной стихии. Только вот энергетика была не чистой воды, но и жизни с кровью.

У самых дверей лифта Серафима оглянулась и посмотрела на меня совсем другим взглядом: не испуганным, а скорее изучающим. Как только она скрылась в лифте, и он уехал, я сказал Святославу Георгиевичу:

— Проверьте, пожалуйста, то, что принесла девушка.

— В смысле? — удивился он, уже готовый изучать артефакт, что я принёс.

— Посмотрите, то ли вам доставили. Не ли там ничего

лишнего? — Увидев, что он не понимаем, о чём я, пришлось повысить голос: — Убедитесь, что вам ничего не подсунули в чемоданчик. И не перепутали лекарства. Будет обидно, если вы пациенту вместо снотворного дадите слабительное, верно?

На фоне хмыкнул Сухов, а Черкасов тихо сказал:

— Рекомендую прислушаться к нему — у парня неплохо работает интуиция.

Врач покачал головой, но отщёлкнул замок на чемоданчике и начал перебирать ампулы с лекарствами. Вначале на его лице был тотальный скепсис, но стоило ему взять в руки предпоследний, как он побледнел.

— Как так?! Это же, — он замотал головой. Он посмотрел на меня: — Как вы догадались?

Я пожал плечами:

— Вы слишком мягко говорили с ней, а значит доверяете. При этом она вела себя слишком неуверенно. Считайте, что у меня паранойя на фоне событий последних дней, — резко закончил я.

Говорить ему о том, что на пальце девушки был артефакт, меняющий внешность, я не стал. Слишком уж он интересен. Поэтому я переключился на лекарства:

— Надеюсь, там ничего страшного?

Святослав Георгиевич закрыл чемоданчик и помахал рукой:

— Нет-нет, просто небольшая ошибка. Лекарство даже не

из рецептурного списка, но неправильное назначение могло бы... повредить пациенту.

— Это случаем не Максиму предназначалось?

— Нет, ему из лекарств нужны только снотворное и обезболивающее. Это для сердца, — он потряс чемоданчиком с лекарствами. — Сейчас быстро отнесу и вернусь. Пока отнесите ваш артефакт в палату к Подорожникову. Ваши коллеги пусть останутся здесь.

Он быстро ушёл, а Сухов тихо сказал:

— Кого-то планировали убить прямо в больнице?

— Видимо. Глянете кого? — так же тихо ответил я.

— Андрей, это по твоей части, — сказал Черкасов. Бывший пограничник кивнул и отошёл к стене, встав, будто ничего не произошло.

Вернулся врач, я взял тяжёлый, замотанный во всякую всячину Инъектор и внёс его в палату. Мне освободили стол, на который я пыхтением и взгромоздил артефакт.

— Массивный, — довольно кивнул Святослав Георгиевич. — И заизолирован отлично, я почти ничего не чувствую.

— Почти? — заинтриговано спросил я. — Вы тонко чувствующий человек.

Врач пожал плечами:

— Человек — система тонкая. Нужно чувствовать биения его токов, сил, течение жидкостей и газов, чтобы понять, что сломалось. А значит нужно чётко отличать вибрации Дара от

вибраций перистальтики кишечника.

— Что ж, тогда у нас действительно есть шанс.

Я почувствовал надежду и начал разматывать артефакт. Два отдыхающих на кубах врача обернулись и тоже с интересом наблюдали за нами.

Стоило на свет показаться чёрному матовому стеклу, как Святослав Георгиевич сделал резкий шаг ближе и схватил меня за руку. Пальцы старика оказались невероятно сильными, я почувствовал, как на моей кожи выступают синяки. Однако врач и не думал отпускать меня.

Его лицо стало словно восковая маска: мертвенным и бледным, нос заострился, лишь участившиеся дыхание выдавало, что он живой человек, а не статуя в музее.

— Откуда вы взяли его? — сиплым голосом сказал врач.

— Из дома. Это моё наследство.

— Шторм? — просипел Святослав Георгиевич. — Ты Шторм? Хотя...

Он повернул меня к себе, изучил лицо, касаясь пальцами второй руки.

— Старый дурак, не узнал Шторма. — Он покачал головой. — Твой прадед всегда знал, что я больше интересуюсь не людьми, а их диагнозами. А диагноз тебе я успел поставить, не спрашивая фамилии.

Глава 4. О ценности здоровья

— Мой мальчик, мы с твоим прадедом вместе шли по той самой лестнице на вершину. Он дважды вытаскивал меня с того света. А ещё всегда просил смотреть не только на раны и дыры в теле, но и на того, кто эти раны получил.

Святослав Георгиевич тяжело вздохнул.

— В тебе я увидел молодого повесу, который доигрался, подставив своего работника. А теперь решил поиграть в спасителя. Но ты меня удивил дважды за пять минут, Шторм.

— Сергей, — представился я, протягивая руку. — И отчасти вы правы: Максим получил проклятье из-за моих интересов. Пусть и по собственной глупости. Однако давайте перестанем тратить время и займёмся лечением, — я стал серьёзнее.

— Да-да, вы правы. Ты, Сергей, прав, — закивал врач. — Давай попробуем.

Мы передвинули артефакт ближе к Максиму, стараясь не отвлекать тех, кто дежурил у его постели прямо сейчас.

— Как ты думал это сделать? Всё-таки, ветер и лечение — не прямые родственники, — деловито уточнил Святослав Георгиевич.

Честно сказать, я вообще не рассчитывал, что что-то выйдет. Это была скорее попытка сделать хоть что-нибудь от безнадёжности, поскольку я запечатал Инъектор. Но как только

врач сказал, что он чувствует какие-то колебания, то надежда зажглась лёгким огоньком. Пришлось вспоминать свои наработки из прошлой жизни.

— Так, смотрите, — я оглядел помещение, — сейчас нам нужно сделать своего рода трансформатор, преобразователь из одного атрибута в другой. Обычно я использую специальные артефакты, но сейчас у нас нет возможности.

Кто ж знал, что меня вообще воспримут всерьёз и дадут попробовать?!

— Поэтому предлагаю так: один куб-накопитель ставим рядом, один свободный специалист кладёт руку на шар, а вторую — на куб. Начинает очень-очень медленно вытягивать силу из моего артефакта и передавать в куб. Как только он зарядится, остальные подключаются к нему и, не разрывая связи, начинают питать Максима, в смысле, пациента. Понятно?

— Да, — кивнул Святослав Георгиевич. — Матвей, попробуй.

— Меня не выжжет чужая стихия? — спросил врач Матвей, вставая с куба. Ему было до тридцати, явно недавно закончил обучение и теперь продолжает учиться уже в поле.

— В тебе есть сродство с воздухом, очень далёкое. Поэтому я тебя и выбрал, — сказал главный Святослав Георгиевич.

— Всё вы помните, — пробормотал Матвей, но выглядел довольным от того, что столь важный специалист помнит

особенности его Дара.

— Остальные не отвлекаемся, поддерживаем пациента.

Матвей тем временем встал около Инъектора, положил руку на его гладкую поверхность. Закрыл глаза и сосредоточился. По его телу скользнула короткая зелёная волна, от которой я почувствовал себя значительно свежее и лучше. Сильный одарённый, с большим запасом.

Прошла минута в томительном молчании, но ничего не происходило. Ещё через полминуты Матвей отпустил шар и вытер пот со лба.

— Чувствую биение Дара внутри, но ничего не могу сделать. Между нами словно стена и её не пробить.

— Серьёзно? — заинтересованно спросил Святослав Георгиевич. — Дайте-ка я попробую.

Теперь старик коснулся чёрной поверхности шара и начал взывать к своему Дару. Вот тут-то всё помещение и озарило зелёным светом. Внутри меня всё заверещало от восторга и наполненности, а окружающие нас врачи выпрямили спины, получив новый заряд сил.

Даже свёрла проклятья сбились на такт и замедлились. К сожалению, лишь на несколько секунд.

По поверхности шара поползли небольшие зелёные молнии, пахнуло холодом. Я вытянул шею, чтобы не пропустить момент, когда этот великий одарённый сможет скрыть установленную мной защиту. Видимо я недооценил возможности людей!

В комнате стало темнее, стеклянная тара и металлические инструменты зазвенели, наполняя странной музыкой палату. Температура упала, и я почувствовал, как лёгкий, едва заметный ветерок прошёлся по комнате.

«Ему удалось!» — подумал я, пододвигая к нему артефакт-куб.

Святослав Георгиевич протянул руку к кубу, коснулся его и, вместо того чтобы накачать энергией, тяжело осел на него, разорвав контакт с Инъектором. Врач почти лёг на лечебный артефакт и стал всасывать из него накопленную ранее силу.

— Невозможно, — пробормотал он. — Он запечатан идеально, ни единой бреши. Как такое случилось? — последний вопрос он задал громче, что все дрогнули. — Я чувствую, что артефакт работает, он не пуст. Но мы не умели делать такое. — Он махнул рукой. — Неужели твои родители разобрались как его запечатать? Неужели именно за это они поплатились?

В глазах старика мелькнула тоска. Я покачал головой.

— Нет, это не родители. Я сделал это сам.

Святослав Георгиевич тяжело поднялся, поправил очки, почесал лысину. Вздохнув, отдал приказания:

— Продолжайте поддерживать мальчика. Матвей, принеси новый артефакт — этот я опустошил неожиданно. Поняли?

Врачи кивнули и вернулись к своей работе. Затем Святослав Георгиевич повернулся ко мне.

— К сожалению, ваш план не сработал, Сергей. — В голосе врача звучало настоящее разочарование. — К сожалению, вы слишком хорошо запечатали артефакт.

Я скупо кивнул. Кулаки непроизвольно сжались, ногти вонзились в ладони. Неприятно. Очень неприятно. Отвратительно!

Но я реально ничего не мог сделать. Я с надеждой посмотрел на Святослава Георгиевича, но тот покачал головой.

— Мы так и не научились лечить такое. Мы постараемся сделать так, чтобы ваш друг не испытывал мучений. Можете попрощаться.

Врачи отступили от койки, давая мне место. Я подошёл ближе, взял его за чёрную руку. Кожа покрылась линиями почти наполовину. Местами выступала кровь из разорванных внутри тела сосудов.

— Прости, Макс, — прошептал я. — Прости за недоверие. Пусть оно и было заслуженным. Ещё есть время. Я постараюсь найти решение. Просто не сдавайся. Я вернусь.

И ушёл, оставив умирающего от неизлечимой болезни парня на больничной койке. Шансов у меня не было, но это не значит, что я не попытаюсь.

***

Святославу Георгиевичу Светлому было тяжело признать: он надеялся, что удастся исправить ситуацию. Справиться с редкой болезнью. Проклятье, которое никто не может вылечить, а он, светило науки и Дара — смог! Но все его методы

не сработали.

А затем появился этот мальчишка, Шторм, у которого неожиданно открылся Дар. Светлый чувствовал в нём небольшой, но водоворот, который привык видеть в одарённых. Мальчишка, который рискнул вытащить самое ценное, что есть в его семье. То, ради чего убили его родителей и брата. То, о чём Совет Князей говорил несколько раз за последние два месяца.

Он не побоялся и притащил прямо ему под нос Инъектор, чтобы спасти другого. И кого? Мелкого лекаря, который сам на себя подцепил проклятье! Глупость? Да, однозначно! Пытаться лечить то, что заведомо не лечиться — это молодые да старые, иными словами, только глупые и могут.

Или тщеславные, такие как он, Святослав Георгиевич, который хочет добиться большего. Оставить след в истории не как одарённый, а как врач. Как тот, чей пик карьеры был до того, как начался Штурм.

Лечить раны и дыры — вот что он умел и за что его взяли в первые ряды штурмующих Храм. Чтобы не давать мелким душонкам людей ускользать из тел слишком быстро. И он не давал. Латал дыры и раны, пока другой Шторм, такой же наивный, пусть уже и не молодой, не отчитал его перед всем отрядом.

«Лечи человека, а не дыру! Смотри на того, с кем работаешь, а не на его диагноз! Ответ там! Ответ всегда в людях!»

И что же теперь? Божественный артефакт Штормов за-

крыт. Это невероятно. То, что они не могли, да и не хотели, честно говоря, делать пятьдесят лет, теперь случилось. Сможет ли малявка открыть его вновь? Если смог закрыть, то со временем сможет и ключ к замку подобрать. Но всё же он может сделать это и с другими. Лишить их преимущества.

Готов ли Святослав Георгиевич к этому? Нет. Но зато у него появилась идея, как не позволить другим запечатать его артефакт навсегда.

Святослав Георгиевич дождался окончания рабочего дня, незаметно пробрался в подвал своей больницы, прошёл в дальнюю коморку, приложил к стене ладонь, активируя Дар. Стена медленно отодвинулась в сторону, открывая обычную дверь на замке. Ключ, как всегда, был на шее.

Он открыл дверь, зашёл внутрь и закрыл на собой.

— Что ж. Пришло время нанести упредительный удар, — сказал он в пространство, которое тут же откликнулось на его слова магическим всплеском.

***

Сознание разорвало взрывом. Роксана потеряла понимание, где верх, а где низ. Тяжёлая обжигающая вонь гари и раскалённого металла ударила в нос, вскружила голову. Или нет и это вращается падающий вертолёт?

— Нас подбили! — крикнула она в немой попытке перекричать гул двигателей и грохот разрыва.

Свет в кабинет погас, но сквозь дыры от шрапнели в борту летающей машины внутрь проникали мечи солнца, ослеп-

ляя.

«Огонь. Там огонь», — почувствовала Привалова, слепо оглядывая грузовой отсек. Повинуясь инстинктам, она потянулась к пламени и приказала ему подчиниться. Пожар на крыше, в районе двигателя, стал стихать, словно застеснявшись своего поведения.

Тут же настала тишина, разрываемая только свистом воздуха. «Погасила искру в двигателе», — мелькнула мысль. — «Завести не успеет».

— Нужно создать кокон! Вокруг нас! — крикнула она и десяток пар глаз уставился на неё.

«Услышали, хорошо. Сколько до земли? Без разницы, ничего не успеем», — метались мысли.

— Земля, кокон вокруг нас! Защитите солдат! — приказала Роксана, чувствуя Даром, как земля стремительно приближается.

— И пилотов! — добавил Пётр.

Краем глаза Привалова увидела, что по его лицу течёт ярко-красная кровь.

— Вода, подушку вокруг людей! Лекарь, готовься, земля — кокон!

— Тьма берёт пилотов! — понял ситуацию Меньшиков, выпуская плотную, похожую на гель тьму.

«Самое то», — подумала Роксана и дёрнулась всем телом от приближающегося ощущения.

— Сейчас!

Одарённые заработали одновременно, сплёвывая кровь от ран и перегрузок. Никто не экономил силы, оперируя чистыми энергиями, без стихий вокруг. А Роксана выставила руку вправо и сжала в кулак. Раздался взрыв — она успела подорвать подлетающий снаряд.

А затем была тьма и удар, выбивший всю жизнь из неё.

Роксана со всхлипом дёрнулась, приходя в себя. Огляделась. Мокрая от слёз и пота подушка, скомканное одеяло, задёрнутые шторами окна. Из узкой щели в комнату падает серая линия света. То ли вечер, то ли пасмурно.

Девушка со стоном приподнялась, до сих пор чувствуя сильную боль в руке и рёбрах: удар о землю, даже в каменно-водяном коконе — удовольствие ниже среднего. На руке была повязка, на рёбрах пластыри.

Не глядя нашарила на прикроватной тумбочке бутылку воды, сорвала крышку, выкинула её на пол и жадно выпила весь литр, не обращая внимания, как водя стекает по подбородку и груди, как намокает ночная сорочка, как от неожиданного перепада температур твердеют соски.

Лишь убедившись, что в бутылке не осталось ни капли, он отбросила её на пол и снова оглядела комнату. Свою комнату в поместье Вороновых.

Рядом с кроватью стояла стойка для медицинской системы, сейчас пустая. Привалова проверила руку и нашла катетер, куда вводили лекарства, сейчас закрытый. Вены вокруг него потемнели, кожа слегка сморщилась, будто постарела.

Захотелось его выдрать, но давний опыт из детства заставил остановиться.

Девушка медленно опустила ноги с постели, неуверенно опёрлась на них, поднялась. Держат.

— Надо узнать, что произошло. Все ли выжили? — Почему-то первым перед её внутренним взором мелькнула лицо Петра Меньшикова. Она потрясла головой, от чего внутри стрельнуло.

«Сотрясение?» Ответа не было. Как и документов и записей, как в больнице, чтобы посмотреть собственный диагноз. Придётся идти на разведку.

Роксана медленно добрела до шкафа с одеждой, заглянула внутрь. Костюмы, одно вечернее платье — всё то, что сейчас ей не надеть. Не в её состоянии.

Спас положение махровый халат непонятной сине-зелёной расцветки. Роксана с трудом вспомнила, что это чей-то подарок, кого-то из далёких родственников на один из семейных праздников. Выбросить рука не поднялась, но дома такое носить её вкус не позволял. Поэтому оттащила на работу, «на всякий случай». Вот такой случай и настал.

С шипением продев руки в рукава и подвязав длинный пояс, огненная глянула в зеркало у выхода. Она увидела свои запавшие глаза, синяк на скуле, небольшой аккуратный шов на лбу. Волосы свалялись и выглядели как пакля, но сейчас не до внешнего вида.

«На нас напали. Ударили из какого-то ПЗРК, пытались

убить. Решили, что мы нашли артефакт? Но тогда взрыв мог его уничтожить. Или специально и пытались это сделать? Или целью был кто-то из пассажиров?»

Вопросы кружили в её голове, укачивая и заставляя неприятный ком подкатывать к горлу. Пришлось остановиться и опереться на подоконник в длинном светлом коридоре, опоясывающем всё здание. Отдышавшись, она двинулась дальше.

Проверив несколько соседних комнат, она убедилась, что они превращены в лазарет: в каждой стояло по три-четыре койки, с капельницами и более сложными медицинскими аппаратами.

Почти все койки пустовали, лишь на дальней дремал лекарь из их отряда.

«Видимо всех пострадавших собрали в поместье. Воронова явно что-то задумала», — размышляла Роксана, двигаясь дальше по коридору. — «Нужно найти её. В кабинет!»

Однако девушка оказалась разочарована: кабинет Госпожи пустовал, не было даже второй помощницы. Она не встретила ни охраны, ни обслугу. Словно поместье погрузилось в сон.

Роксана решила вернуться к себе, когда почувствовала, что ноги её едва держат.

— Долбанный Шторм, всё из-за него. Не прятал бы артефакт, никто бы не пострадал. А так и семью сгубил, и остальным мучения доставил, — Роксана не замечала, как начала

обвинять во всех бедах одного Сергея.

Она остановилась и поморщилась от боли в груди. Может рёбра сломаны? Тогда почему гипс не наложили?

Проходя мимо окна, выходящего на ворота в поместье, она увидела подъезжающую машину. Судя по тому, как её легко пустили на территорию — кто-то из своих. Возможно, сама Воронова.

«Надо поговорить», — решила девушка и, невзирая на боль, начала спускаться по лестнице на первый этаж.

В холле как обычно было тихо и сумрачно. По углам сидели скульптуры воронов в натуральную величину, на полках стояли фигуры поменьше. Под потолком расположилась массивная люстра на сто электрических свечей, удивительно, не в форме гнезда. Александра Валерьевна как-то ответила Роксане на вопрос, почему она не стала этого делать: «Во всём должна быть мера, Роксана Юрьевна. Даже в ненависти и в почитании».

Привалова запахнула халат поплотнее, чувствуя, как по голым ногам заползает лёгкий холодок от входной двери. Ещё раз оглядела себя в зеркале, слегка пригладила волосы, чтобы они не торчали как то самое гнездо. Дошла до стены и нажала на крайне левый выключатель, включая четверть лампочек в люстре.

Стало заметно светлее и приятнее, даже статуи-вороны теперь смотрели не с голодным выражением морд, а с более доброжелательным и даже любопытным. Готовились изучать

сцену, которая сейчас перед ними развернётся.

Роксана знала, что в нескольких местах в стены установлены автоматические турели, а также несколько сильных атакующих артефактов, способных задержать нападающих. Однако ни разу не видела, чтобы они использовались: мало в мире идиотов, способных влезть в этот дом непрошенными.

— Да уж. Сейчас это одно из самых безопасных мест на планете, — пробормотала себе под нос девушка.

Если их действительно кто-то атаковал из ПЗРК, то это человек или группа имела не только оружие, но и связи. Мало кто знал об операции. А значит потенциальным врагом может быть кто угодно и, судя по всему, из высших.

За дверьми послышался тихий разговор, но что именно говорили понять было невозможно. Роксана решила подойти поближе, чтобы открыть Вороновой дверь, но тут, неизвестно откуда, появился управдом, Всеволод Николаевич Можайский — мужчина средних лет, занимающийся именно вопросами обеспечения поместья.

Он увидел Привалову, коротко и вежливо ей поклонился.

— Рад приветствовать вас в добром здравии, Роксана Юрьевна. Госпожа просила передать, чтобы вы отдыхали и приходили в себя. — Он замолк, а потом тихо добавил: — Вряд ли она скажем это лично вам, но она гордится тем, как вы повели себя в критической ситуации: благодаря вам все выжили, несмотря на многочисленные травмы.

Привалова вдруг почувствовала, как внутри неё всё рас-

слабилось. Тот лёд, что держал её в напряжении до этого момента, треснул и начал таять, расслабляя не только голову, но и ноги. Захотелось присесть.

— Спасибо, Всеволод Николаевич. Я поприветствую её, а затем пойду отдыхать. — Она махнула в сторону двери.

— К сожалению, Александра Валерьевна ещё не вернулась, — сказал управдом, подходя к двери и берясь за ручки.

— А кто это тогда? Марк Константинович?

Управдом не ответил, распахивая двери и приветствуя стоящих за порогом. Затем он посторонился, пропуская двух мужчин, крупного и стройного, которые тащили что-то объёмное.

Следом за ними, с любопытством крутя головой, будто он на экскурсии, зашёл человек, которого Роксана совсем не ожидала увидеть здесь.

— Сергей? — рыкнула она.

— Какая встреча! — воскликнул Шторм. — Вижу, что и тебя жизнь потрепала.

Привалова сама не заметила, как на кончиках пальцев задрожали язычки пламени.

Глава 5. В рот мне перья

— Сергей? — рыкнула Роксана, стоило мне войти в дом Вороновой.

— Какая встреча! — воскликнул я, отмечая, как её лицо наливается алым, словно краснеющий от перегрузки металл. — Вижу, что и тебя жизнь потрепала.

Девушка выглядела больной и побитой, словно пострадала в уличном драке с хулиганами. Однако это не мешало ей контролировать Дар: язычки пламени сочного оранжевого цвета заплясали на её пальцах, готовый сорваться сварочными струями в мою сторону.

— Из-за тебя! — зарычала она и бросилась в мою сторону.

Что ещё ей сделал я не понял, но инстинкты сработали быстрее, чем успел подумать: рука поднялась, и я закричал ей в ответ:

— Остынь! — Вместе со словами активировал свой Дар, заставляя его бить узким потоком.

Вряд ли бы мне удалось сдуть её подальше, но вот отвлечь...

Задумка удалась: ветер распахнул халат, показывая нам чуть влажную ночную сорочку, красиво облепившую небольшую, правильной формы грудь. Несмотря на ярость берсерка в глазах, девушка моментально сообразила, что оказалась в неподобающем виде перед четырьмя посторон-

ними мужчина.

Роксана резко остановилась и с силой запахнула халат обратно. Она не добежала буквально два метра, но теперь уже не готова была атаковать снова, сбитая с толку. К тому же Черкасов и Сухов поставили Инъектор на ближайший стол и теперь шагнули вперёд, видом показывая, кто дальше вступит в игру.

Привалова, сжимая кулаки на лацканах халата, бросила на меня злой взгляд, резко развернулась и сказала:

— Передайте Госпоже, когда вернётся, что я буду у себя.

Она сделала шаг и тут её повело в сторону. В момент я пересёк разделяющие нас два метра и подхватил падающую девушку.

— Потеряла сознание. Куда нести? — спросил я, и управдом, ничего не спрашивая, пошёл вперёд, указывая дорогу. — А вы ждите здесь. Скоро вернусь.

Черкасов кивнул и достал экспандер, который я не видел пару дней. Сухов отвернулся, но на его лице я не заметил привычного неприятия.

Управдом, который представился Всеволодом Николаевичем, провёл меня на второй этаж и указал комнату, куда отнести бессознательную Роксану. Девушка была горячей на ощупь, у неё явно поднялась температура. Или у огненных одарённых всегда так?

Уложив девушку на кровать, я задумался. Моё прошлое, моя прошлая жизнь словно стала размытой и далёкой. Мать

моей дочери, моя бывшая женщина, да сотрёт время её имя, была огненной. Но я забыл, какой она была на ощупь.

В дверях я в последний раз оглянулся на Привалову, покачал головой. Сейчас было бы идеально её придушить или добавить яд. Всё-таки она участвовала в атаке на мой нынешний дом и убила брата того, в чьё тело я попал. Но я ничего не испытывал к ней, кроме лёгкой настороженности.

Тем более я не убиваю просто так. И, будем откровенны, сделать это под взглядом внимательных глаз управдома было бы непросто.

Вернувшись в холл, я попросил Всеволода Николаевича проводить нас до места, где безопасно хранить ценные артефакты. Управдом изучил стоящую перед ним кучу непонятно чего, после чего, не меняя серьёзного выражения лица, поправил густые чёрные волосы и двинулся вперёд.

В этот раз мы прошли по первому этажу, завернули за поворот, где нас ждала мощная металлическая дверь.

— Оружейная, — одновременно сказали управдом и Сухов, первый величественно, а второй — восторженно.

Всеволод Николаевич приложил руку к панели рядом с дверью, дождался щелчка, после чего достал связку ключей и сунул один из них в открывшуюся замочную скважину. Несколько раз провернул. Открыл дверь.

Мы оказались в небольшой комнате с пустыми оружейными столами, металлическим шкафчиком и ещё одной более массивной дверью. Быстро оценив её *Взглядом артефак-*

тора, сообразил, что она открывается с помощью Дара, а у управдома его нет.

— Можете оставить свой артефакт здесь. Это самое надёжное место пока Александры Валерьевны нет.

— А скоро она вернётся? — спросил я, не спеша оставлять Инъектор в этом чулане.

— О таких вещах она не отчитывается. У неё важная встреча в Совете князей.

Пришлось повернуться к охранникам:

— Подскажите, насколько надёжно оставлять что-то здесь?

— Если бы мы говорили про ящик с патронами, пулемёт или даже боевой жезл, то этот тамбур вполне сгодился бы ненадолго. Но с этим, — Черкасов указал на Инъектор в руках и покачал головой, — как-то не по себе.

Если уже человеку-пустыне не по себе, что уж говорить про меня.

— Тогда мы вынуждены отказаться. Будем держать рядом, — сказал я, выходя из помещения.

Всеволод Николаевич промолчал, но его походка стала более резкой. Стоило нам отойти подальше от оружейной, управдом подошёл совсем близко и прошептал так, чтобы охранники не услышали:

— Господин Шторм, ваше положение в этом доме крайне шатко. Не стоит задирать нос там, где это не нужно.

Я резко остановился, из-за чего Всеволод Николаевич

чуть в меня не врезался.

— Вы мне угрожаете, уважаемый? — в моём голосе вообще не было уважения. — Предполагаю, вы в курсе, что случилось с моей семьёй и кто стоял за всем этим. Вы удивитесь, но я тоже знаю.

На моём лице на мгновение появилась резкая неприятная ухмылка, но которая тут же пропала, оставив испуг для управдома.

— Если вы думаете, что после такого я буду переживать из-за ваших слов, то вы явно стали терять хватку. Доверенные лица госпожи Вороновой должны быть в гораздо лучшей форме, нежели вы. Когда она приедет, я передам ей ваши слова. Думаю, в контексте этого, — я указал себе за спину на запакованный артефакт, — она согласится с моей точкой зрения.

Всеволод Николаевич сделал вид, что его не задели мои слова, но его дыхание ускорилось, а лицо стало бледнее. Неровным движением поправив свои густые волосы, он пошёл быстрым шагом и привёл нас в столовую.

Этот, не побоюсь этого слова, зал был в несколько раз больше нашей малой столовой и в пару раз больше сгоревшей обычной. Огромная золочёная, надеюсь золочёная, а не золотая, люстра свисала с потолка, который терялся где-то в высоте. Судя по всему, он был на уровне потолка второго этажа, если не выше.

Ровно по центру зала и под этой самой люстрой располо-

жился круглый стол, казавшийся в этом помещении крошкой. При этом он был на двенадцать персон, судя по стульям. Сбоку стоял небольшой разделочный стол на колёсиках.

— Красиво жить не запретишь, — с удовольствием сказал я, подходя ближе. — Когда ужин?

Всеволод Николаевич демонстративно достал из кармана часы на цепочке, посмотрел время.

— Как только приедет Госпожа. — И не прощаясь пошёл к двери.

Его красивый уход в закат прервал звонок мобильного телефона, от которого он сбился с шага. Стоило ему снять трубку, как зал наполнил возмущённый голос бабушки. Я не слышал, что именно она говорила, но тональность считывалась легко.

Управдом покраснел до кончиков волос и его красный затылок, казалось, просвечивал даже сквозь густую чёрную шевелюру. Он кивал и говорил: «Да, да, конечно», потом обещал всё подготовить.

В конце концов, когда казалось, что он сейчас упадёт под давлением Вороновой, он сообщил:

— Вы просили сообщить, когда Роксана Юрьевна придёт в себя — сообщаю, она приходила в себя.

— Что значит «приходила»? — неожиданно чётко прозвучало из трубки.

— Эм. В том, что она встретила ваших гостей. Юный Шторм приехал.

Наступила резкая тишина. А затем трубка выдала:

— Ужин на всех. И достань бутылку шираза.

Всеволод Николаевич положил трубку, на мгновение обернулся на нас, получил доброжелательный оскал от Сухова и «V» от меня, и скрылся за дверью.

Через минуту на стол начали накрывать, выставляя тарелки, бокалы, приборы и графины. Пока только с водой.

— Судя по всему, сегодня нас покормят.

Сказав это, я нахмурился. Мы потратили слишком много времени на дорогу, на ожидание и вежливые расшаркивания. Сейчас мы будем есть и улыбаться друг другу, как гиены, готовые сожрать зазевавшегося за столом. Мы будем жить дальше. А вот Максим...

Инъектор поставили на передвижной разделочный столик, охранники сели за обеденный стол. Я же воспользовался затишьем и сделал звонок. Святослав Георгиевич дал мне свой личный номер телефона после того, как мы вышли из палаты.

— Звоните, Сергей, если что-то понадобиться. Мы сделаем всё, что сможем для вашего друга, — сказал он. — Разве что будьте готовы подождать — я телефоне не ношу с собой, храню в кабинете.

По его старому лицу скользнула улыбка, но его мысли были где-то далеко.

Затем мы ушли, и Сухов в машине рассказал, кому были те лекарства, которые мы перехватили. Оказалось, что в со-

седней палате лежит пожилая женщина. Серьёзная онкология, куча лекарств, обезболивающих, антикоагулянты. При этом нет данных о пациенте, личные вещи убраны, кроме одежды.

— Кто-то очень высокого положения, но без Дара, — уверенно сказал Андрей. — Силы в теле нет, но видно, что человек ухоженный, дорогая одежда, пусть и вида «пижама-халат». Плюс лечение в этой больнице — ох как недёшево.

Я поморщился от этой фразы. Мне ещё предстоит решить этот вопрос.

— Однако, — продолжай Андрей, — здесь даже смертельные диагнозы имеют повышенный шанс на излечение. Поэтому сюда и стремятся попасть.

В общем, мы каким-то образом пресекли передачу неподходящих — а судя по испуганному лицу Святослава Георгиевича очень неподходящих — лекарств пациентке. В медицине я разбираюсь постольку-поскольку, поэтому точно сказать какой эффект произвело бы лишнее лекарство не скажу.

Скорее всего смерть выглядела бы естественной. Например, кровоизлияние в мозгу или сердце: изношенный организм, онкология. Никто бы не стал разбираться. Либо наоборот, изменения были бы очень заметными, чтобы подставить врача или ту Серафиму, под которую мимикрировала девушка с кольцом.

По дороге к машине я постоянно оглядывался, пытаясь найти Серафиму — настоящую или поддельную, — но не

находил. Лишь у выхода мы встретили администратора Герду, которую отчитал Святослав Георгиевич. Она смерила нас недовольным взглядом и продолжила медленно печатать на компьютере.

Сейчас же я слушал гудки в телефоне, понимая, что врач скорее всего пошёл отдыхать. Или бегает по больнице и решает свои врачебные дела.

Сбросив звонок, набрал номер приёмной. Ответила Герда — я узнал её бархатный голос.

— Больница Святослава Светлого, приёмное отделение. Чем могу помочь? — последняя фраза прозвучала её голосом настолько двусмысленно, что на мгновение оторвался от трубки проверить номер — вдруг не туда позвонил?

— Это Сергей Шторм. Хочу узнать состояние своего друга, Максима Подорожникова.

Девушка заклацала по клавишам, проверяя информацию.

— К сожалению, ничего не могу вам сообщить по телефону. Мы охраняем медицинскую тайну. Могу дать контакты лечащего врача, но он сможет ответить только в понедельник.

— До понедельника он скорее всего не дотянет.

Девушка деланно вздохнула:

— Тогда предлагаю вам посетить его лично. Всем требуется поддержка в такой трудный момент.

Она говорила вроде мягко и правильно, но у меня её слова вызывали отторжение. Возможно, из-за чрезмерно бархатно-

го, эротичного голоса. Возможно, из-за того, что я чувствовал полное бессилие в этой ситуации. Тем более мы уехали всего полтора часа назад.

Сколько ему осталось? И почему я так переживаю за чужого, в общем-то, человека?

Потому что он дал мне жизнь. Ценой своей. И если у меня хотя бы есть шанс переродиться ещё раз, то у него — нет. И это грузило меня, несмотря на позолоту вокруг.

— Я могу вам ещё чем-то помочь? — прервала мои размышления Герда.

— Спасибо, нет. Постараюсь приехать, как только смогу.

Она пожелала мне приятного вечера и положила трубку. Я же вернулся к столу и налил полный стакан воды, выпил не отрываясь.

— Как там лекарь? — поинтересовался Черкасов.

— Умирает. — Грустно усмехнулся я. — От такого не лечат. К сожалению.

— А почему эта штука не работает? — кивнул Антон на Инъектор.

— Потому что я слишком хорошо её починил, — недовольно сказал я.

Черкасов тихонько хохотнул:

— А ты всё ему свою батарейку доверить не можешь, — он ткнул Сухова в плечо. — А мальчишка с такими вещами управляется.

Андрей Сухов покачал головой:

— Если он починит мне батарейку так, как эту штуку — то есть, чтобы я не мог ей пользоваться, — то даром мне такой ремонт не нужен.

Я проигнорировал их обоих и достал из кармана шар голубого кальцита. Внутри него медленно ворочались зеленоватые огоньки. «Ветер вбирает в себя энергию жизни» — так это можно было назвать.

Направив внутрь свою силу, я заставил огоньки двигаться быстрее, словно светлячки, убегающие от пролетающего мимо хищника.

Любой артефакт нужно подзаряжать. Он может брать энергию из окружающего мира, может от крови или от Дара. Первый долгий и требует специальной подготовки. Второй — кровавый и обычно очень ограниченный по времени, артефакты могут сгореть от неподходящего «топлива». А вот от Дара пусть и требует времени, всё-таки меньше, чем естественным путём из среды, и безопаснее, чем от крови и других источников энергии.

Вчера он позволил мне победить мастера клинка, с тех пор времени особенно не было заняться. Сейчас же, ожидая бабушку (тьфу, ей двадцать пять на вид — ка-а-а-ак?!) нужно подготовить всё, что возможно.

Левую руку тут же обожгло горячим, как будто на запястье уронили уголёк.

— Так-так, внучок. Решил всё-таки меня расстроить? — раздалось за спиной, и мы втроём вскочили изо стола, пово-

рачиваясь ко входу. К нам шла Воронова.

Ей всё ещё было лет двадцать пять и лишь красные горящие глаза древнего чудовища выдавали её возраст. Она была одета в тёмно-синие платье, в этот раз без пиджака. На тонких пальцах были кольца, на шее — серебряное колье, в ушах серебряные с рубинами серьги. И лишь брошь в виде чёрного черепа ворона чуть выбивались из общего ансамбля.

— Вы всё ещё чудесно выглядите, бабушка, — слегка поклонился я. — С вечеринки вернулись?

— Если бы, — хмыкнула она.

— В таком виде вас с радостью приняли бы в лучших домах, — продолжил я.

— Меня и так принимали в лучшем из возможных домов. Лучше и выше уже просто нет.

Она подошла к столу и замерла рядом. Я среагировал быстрее и подвинул стул, давая Вороновой сесть. Она с любопытством оглянулась.

— Подрос, внучок, подрос. — Она вдруг оскалилась, что сделало выражение её лица пугающим и опасным. — Так что ты задумал против меня?

Она коснулась моей левой руки, браслета, который практически слился с кожей. По запястью прошёл неприятный холодок, который бывает, когда затекает рука. В голове на мгновение стало мутно, а потом неприятное ощущение отступило.

Однако я остался стоять со слегка прикрытыми глазами,

делая вид, что Дар контроля всё ещё меня подчиняет. Незачем кому-то знать, что на меня эта штука работает лишь отчасти.

К тому же, моя белая нить, запутавшаяся в нитях жизни, вдруг завибрировала и, по ощущениям, стала сильнее и крепче. Иными словами, цикл перерождения укрепился! Попытка подчинить меня запрещённой в этом мире магии контроля, наоборот усилило мои особенности! Невероятное открытие!

Стоило Вороновой отпустить меня, как я отшатнулся и открыл глаза полностью. Она смотрела на меня удивлённо:

— С чего это ты такой радостный? Ты же только что задумывал что-то против меня.

Я покачал головой.

— Я лишь думал, смогу ли я защититься, если вы решите на меня напасть. — Пожал плечами, глядя на скривившиеся лица Черкасова и Сухова. Ну да, вы ребята здесь меня не станете защищать.

— А есть повод? — Глаза бабушки стали ещё краснее, а вокруг плеча начал формироваться ворон.

Сделав вид, что не обращаю внимание на ворох перьев, я развёл руки в стороны:

— Вообще-то я приехал с подарком. — У Вороновой, как у любой женщины, губы дёрнулись в улыбке. — И заодно очистить имя своих родителей.

После второй фразы она помрачнела:

— Они решили использовать его! Провести ритуал, чтобы раскрыть его!

— Нет. Точнее не совсем. Они планировали провести ритуал, это точно. Но не для того, чтобы открыть Инъектор. А для того, чтобы запечатать.

Бабушка откинулась на стуле и засмеялась.

— Наивная простота. Понимаю, тебя не держали в курсе всех событий, но... — её лицо стало жёстким, когда она продолжила: — Инъекторы невозможно запечатать полностью. Их мощь столь велика, что даже рассеяв Дар богов по всей планете, в них всё ещё очень и очень много энергии. Созданные артефакты неспособны удерживать их полностью.

В этот момент в зал внесли блюда с закусками, и Воронова замолкла. Обслуга выставила всё на стол, поклонилась и вышла.

За это время Александра Валерьевна чуть успокоилась и перешла на более лекторский тон:

— Серёжа, ни один из девяти Инъекторов невозможно запечатать на все сто процентов. Потери идут, небольшие, но постоянно. Кто-то этим пользуется, кто-то нет, но это часть нашей новой реальности. Коллеги, — едка сказала она, — потратили почти пятьдесят лет, чтобы найти способ запечатать их, перестать терять энергию и плодить магические сущности. Но никому, никому не удалось! И, кстати, именно по этому потоку всегда легко найти Инъектор на расстоянии до пятидесяти метров, а с приборами — и того больше.

Я видел удивлённые рожи Андрея и Антона, которые за спиной Вороновой переглянулись между собой, а затем посмотрели на передвижной разделочный стол. Я слегка покачал головой: мужики успокоились, а бабушка посчитала это несогласием с её мыслями.

— Повторюсь: моих родителей наказали ни за что. Они защищали людей и наш мир.

— От чего? От Совета Князей? — ехидно заметила она.

— Нет. От взрыва Инъектора.

То, как побледнела Воронова сказало всё без слов: она представляла, во что это могло вылиться. Но она быстро взяла себя в руки.

— Хорошая, красивая и благородная версия. Но версия. Официальное обвинение другое.

— Да. Но Инъектор Шторма был повреждён и из него действительно хлестала сила Дара, способная нанести сильнейший удар по планете.

— Ты так говоришь, будто видел его.

— Видел. — Кивнул я. — И починил.

Вот тут бабушка уже не выдержала и вскочили со стула, с грохотом уронив его на пол. В дверь заглянула обслуга, но Александра Валерьевна приказала им убираться.

— Дурацкая шутка, внучок! Если ты нашёл Инъектор и решил со мной поиграть...

— Только в наблюдательность, — перебил я её. — И вы, бабуля, проиграли.

Я указал рукой на стол, на котором был неряшливо запакован Инъектор. Воронова развернулась на каблуках, подлетела к нему, порывом перьев содрала и разметала по залу всю упаковку, предъявив свету гладкую поверхность чёрного шара. Белые облачка внутри медленно вальсировали, направляясь по своим облачковым делам.

— Не может... — начала она, но прервала сама себя.

Медленно провела ладонью над поверхностью шара, не касаясь стекла. Создала поток воздуха, от которого в комнате резко стало холоднее. Шар всё также молчал, сверкая стеклом и серебряными заплатками.

— Что это? — спросила Воронова.

— Заплатки. Я же сказал, что починил дыру в нём.

— Нет, я имею в виду что это? — она обвела руками весь артефакт. — Он похож на Инъектор Шторма как две капли воды, но силы в нём нет. Что ты притащил сюда?

— Это тот самый Инъектор, который вы искали и из-за которого убили моих родителей. — В глазах Александры Валерьевной мелькнуло мрачное пламя. — Я смог его найти и починил разрыв. Как раз там, где сейчас серебряные швы. Однако сделал это так хорошо, что полностью запечатал силу внутри.

— Хорошая попытка, — кивнула бабушка. — Но я не верю.

После чего в зале возник гигантский меч, состоящий из ветра и перьев.

— Посмотрим, что там внутри!
Мне же оставалось крикнуть одно:
— В рот мне перья! Что ты творишь?!
Магический меч понёсся на Инъектор.

Глава 6. Это твой выбор

В голове мелькнула мысль: если Воронова действительно сильна, то вся моя работа по спасению мира пойдёт Кефиру под хвост.

Огромный меч из перьев взвыл от ускорения и врезался со всего маху в стекло Инъектора. Ледяной ветер и лохмотья перьев разнеслись по помещению, уронив на пол посуду и еду.

— Вкусняшки пропали, — пробормотал едва слышно Черкасов. Его, в отличие от Сухова и меня, ветер бабушки даже не шелохнул.

Затем настала тишина, все застыли, ожидая неизбежного. И оно случилось: через пару мгновений раздался хруст.

Я прикрыл глаза, стараясь нащупать цикл перерождения. Когда рванёт, я попробую уцелеть и переродиться. Очень не хочется терять накопленный опыт и перспективы. Может занесёт в новый мир, и я буду к этому готов?

Мысли прервал крик боли: Александра Валерьевна запрокинув голову кричала изо всех сил. Её руки покрылись густой сетью вен, а пальцы растопырились в разные стороны, будто каждый из них был сломан и вывернут.

Теперь уже никто из обслуги не сдерживался: вбежали и те, кто заносил еду, и те, кто готовил, и Всеволод Николаевич. Только вот их всех оттеснили Сухов и Черкасов. Они

вскочили на крик и, быстро сообразив, оттащили Госпожу от Инъектора.

— Врача! Быстро! Нужно срастить кости! — прорычал Антон.

Сухов тем временем достал из сумки небольшую аптечку, вытащил оттуда микро-шприц и всадил Вороновой прямо в плечо. Откинул в сторону, и я увидел надпись: «Обезболивающее».

Поварята засуетились, но Всеволод Николаевич встал в дверях и достал телефон:

— Да, я. Быстро в столовую на первом. ОЧЕНЬ БЫСТРО! — рявкнул он в трубку, а затем спокойно сообщил: — Врач скоро будет.

Затем он вывел остальных за дверь и прикрыл за ними. Как только прибежал врач, впустил его, а затем начал с кем-то спорить за порогом:

— Нет, я не могу вас пустить. Нет, всё под контролем. Роксана Юрьевна! Приказано, чтобы вы отдыхали!

Девушка за дверью возмущалась, но не могла пройти сквозь охрану в виде управляющего.

— Пусть войдёт! — крикнул я, прерывая их спор.

— Ты чего? — шепнул Сухов, помогая Черкасову уложить Воронову на пол. Она потеряла сознание от боли. Или от лекарства — надеюсь он не пичкал её просрочкой за свой счёт?

Врач изучал Александру Валерьевну, параллельно поливая её зелёным светом.

— Она её помощница. Одна из. Пусть помогает. По женской части.

Мужики переглянулись в их глазах мелькнула неловкость. Роксана уже просочилась в зал и подбегала к нам, ворча:

— Кто же кладёт на холодный пол, да ещё в платье.

— Матрасов не завезли, — огрызнулся Сухов, но Привалова молча схватила край скатерти и, снося остатки посуды, выдернула.

— Вот, переложите, только аккуратно. — Пока охранники это делали под руководством Всеволода Николаевича и врача, она спросила: — Что случилось?

— Магический откат, — одновременно сказали врач и Черкасов.

— Вы её атаковали?! — на пальцах девушки появились неровные огоньки пламени.

— Успокойся, — сказал я, кивнув на её руки. — Снова сознание потеряешь из-за Дара.

Роксана притушила огонь на руках, но не в глазах.

— Она сама атаковала.

— Если бы она атаковала, ты был бы мёртв, Шторм.

— Сергей, — исправил я. — Тем более, она атаковала не меня, а Инъектор.

— Какой ещё к богам собачьим Инъектор? — возмущённо повернулась она и потеряла дар речи. — Что это? — неуверенно спросила она наконец.

— То, ради чего погибла моя семья и те, кто был ей пре-

дан, — тихо сказал я, сжимая руку на шаре кальцита в кармане и готовясь к удару.

***

Мы сидели втроём. Я попивал шираз, который, оказывается, Воронова подготовила к моему приезду. Роксана сидела напротив, замотавшись в тёплую шерстяную кофту, похожую на халат. Её слегка трясло то ли от температуры, то ли от произошедшего.

Она не смотрела на меня, лишь изредка бросала взгляды в окно, где небо очистилось от облаков и сияли звёзды. Здесь за городом их было видно очень хорошо.

Третьим и невидимым некоторым участником был Кефариан. Четырёхухий лис устроился на столе прямо между нами и с самодовольной улыбкой наблюдал за нашим общением. Он не сказал ни слова с момента появления, но выглядел как кот, объевшийся сметаны. Довольный по самые помидоры.

Роксана не выдержала первой.

— Мне, наверное, стоит извиниться? — начала она неуверенно.

Я пригубил из бокала, продолжая молчать. Хороший вкус.

— Понимаю, что сделанное мной нельзя простить просто так. Но у меня был приказ.

По моему лицо проскользнула гримаса боли. Боли прошлого мира.

Приказ. Воля богов. Судьба. Необходимость. Ради выжи-

вания. Ради будущего. Люди всегда находили причины, почему они могут убивать других и друг друга. И делать это с радостью на лице.

Да, бывали случаи, когда человек не шёл на это добровольно и его заставляли, чаще всего используя Дар контроля. Но во всех остальных случаях люди всегда делали этот выбор сами: подчиняться правилам, приказам, заветам и скрижалям. Лишь бы не думать самим, лишь бы слить ответственность за свои действия и решения.

На этом фоне у меня вызывали уважением те люди, которые понимали свой выбор и принимали ответственность за него. Да, они могли отнят чужую жизнь, но и платили за это по полной. Иногда это бывал триумф и последующий травматический синдром, а иногда — муки совести и освобождение в петле.

— Приказ, — тихо повторил я, заставив Роксану, что-то говорившую до этого, замолчать. — Это был твой выбор. Сделать то, что сделала ты.

Я видел памятью настоящего Сергея, как она выжгла Дар брата, его суть. Это не просто убийство, это кощунство. Даже над смертным. Таким образом можно убить бога, при желании.

К тому же это мучительно больно.

Я молча встал, направляясь к выходу из комнаты. На пороге я остановился и бросил через плечо:

— Я отмыл имя своей семьи. Мы не предавали, а пыта-

лись защитить.

— Я слышала, — глухо ответила она.

Действительно: Александра Валерьевна, когда пришла в себя, кратко передала мои слова Роксане. И подтвердила, что Инъектор точно настоящий — за это знание она заплатила сполна. А надо было всего лишь поверить мне. Но видимо с доверием здесь трудно.

— Сейчас я уеду. Проводить человека, который рискнул своей жизнью ради меня. Возможно, придётся с ним проститься. Но и это был ЕГО выбор.

Я вышел из комнаты и пошёл искать Черкасова. Пусть отвезёт меня в больницу, а потом уже пусть делает то, что хочет — они с Суховым свою задачу выполнили.

Кефир молча последовал за мной, поблескивая золотистыми глазами.

***

Роксана постучала в дверь и услышала короткое:

— Входи.

Александра Валерьевна лежала в постели, руки поверх тонкого одеяла. Они всё ещё были покрыты яркими линиями вен, набухшим от боли и магического отката, но по крайней мере большую часть повреждений в костях удалось убрать.

— Вам повезло, что врач был в доме, — тихо сказала Привалова, присаживаясь на стул рядом с начальницей. У неё уже не было сил изображать из себя несгибаемую.

— А если бы вы не пострадали ранее, то мне сейчас было

бы заметно хуже, — с лёгкой улыбкой ответила Воронова.

Сейчас она выглядела лет на сорок вместо двадцати пяти, но Роксана не стала ничего говорить — тема возраста для Госпожи всегда была болезненной.

— Что ты хотела узнать? — прозорливо спросила Воронова у помощницы. — Хочешь сообщить брату? Без проблем, вопрос в целом решён. Меньшиков тоже может позвонить своим родным.

Девушка кивнула, но потом сжала губы.

— Не только это. — Она глубоко вздохнула, пытаясь расслабить плечи. Она старалась не смотреть на нахмурившуюся Александру Валерьевну. — Почему все решили, что Штормы собираются использовать артефакт? Только из-за показаний Светланы? Но они были настолько фрагментарными!

Она сама не заметила, как повысила голос. Теперь в нём не было прежней уверенности, а только лёгкая обида и испуг.

Воронова откинулась на подушки и прикрыла глаза.

— Светлана только подсказала время ритуала. И то, лишь примерное, — наконец ответила она. — Были и другие причины действовать жёстко.

— Какие?

— Серьёзные. — Из-под век блеснули красные глаза. — Настолько, что Совет был готов атаковать немедленно и нанося максимальный урон, в том числе было предложение снести поместье Шторма под ноль, как гарантию. Посмотри

на меня, — вдруг сказала Воронова.

Роксана дёрнулась, посмотрела на неё. Алые угли глаз тлели, пугая и завораживая одновременно.

— Мы все действовали исходя из известных нам данных. Мы были уверены, что промедление сможет разрушить всё то, что мы создавали последние пятьдесят лет. Ты действовала из лучших побуждений, чтобы защитить то, что тебе дорого, — жарко шептала Воронова.

Но у Роксаны перед глазами стояло лицо Сергея и одновременно лицо Петра, который обречённо лежал на полу, с обожжёнными руками, кривящийся от боли, знающий, что его ждёт, но не молящий о помиловании. Молчавший даже тогда, когда их всех убивали.

А они «всего лишь» спасали мир. Почему тогда молчали?

И снова лицо Сергея и его слова: «Это был его выбор».

По телу Роксаны прошла судорога, но она не подала виду и лишь кратко кивнула начальнице. Пожелав ей скорейшего выздоровления, девушка вернулась в свою комнату и первым делом набрала брата.

— Всё в порядке? — строго спросил он. Несмотря на позднюю ночь Кирилл Юрьевич звучал бодро, словно не спал и не устал. — Отец рассказал. Воронова превысила свои полномочия.

— Жить буду, — просто ответила Роксана, радуясь разговору с братом. — И Меньшиков, и остальные тоже буду жить. Все в вертолёте выжили.

— Очень рад слышать, — в голосе Кирилла мелькнуло тепло. — Тогда могу спокойно вернуться к делам, в том числе твоим. Я же правильно понимаю, что вас подбили из-за Шторма?

Резко стало холодно в груди. Действительно, есть версия, что нападавшие хотели получить Инъектор. И если он способен вынести удар Вороновой и не разрушиться, то возможно он выдержал бы и взрыв ПЗРК. А их бы просто развеяли по ветру.

— Возможно. Но теперь никто искать артефакт не будет. — Роксана прервала себя, не давая говорить лишнего по телефону.

— Уверена?

— Да. Точно.

— Тогда отдыхай и приходи в себя. Я буду держать тебя в курсе по поводу наших планов.

Роксана уже давно положила трубку, но всё не могла прекратить думать о Сергее. О том, что не остановила брата. Она оправдывала себя тем, что бюрократическая машина долго запрягает, но потом едет неумолимо и её невозможно остановить по щелчку.

Но предательски в голове звучали слова Шторма: «Это твой выбор».

***

Перед отъездом я зашёл к бабушке.

— Надо поговорить, Александра Валерьевна.

Она молча кивнула и указала на стул рядом с постелью.

Рядом стояла стойка с капельницей, пиликал аппарат, следящий за пульсом и давлением. Ниже был установлен аппарат, который автоматически выдавливал какой-то огромный шприц, добавляя лекарство в систему.

Теперь Воронова выглядела старше, ближе к сорока годам, но даже в этом случае оставалась привлекательной и пугающей одновременно. Несмотря на то, что она была одета в ночную рубашку, а по руке струились вспухшие от чрезмерной магии вены, она держалась ровно и величественно.

— Что ты хотел обсудить, внучок? — она старалась добавить в голос привычной покровительственности, но чувствовалась усталость.

— Во-первых, хотел сказать спасибо за вино. Очень мило, что вы приготовили для меня именно его. — Я слегка поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.